

Шантидева
БОДХИЧАРЬЯ-АВАТАРА
ПУТЬ БОДХИСАТТВЫ

Ом!
Поклонение Будде!

Глава первая
ХВАЛА БОДХИЧИТТЕ

Пред сугатами, неотделимыми от дхармакаи,
Пред их Благородными Сыновьями,
А также пред всеми, кто достоин поклонения,
Я простираюсь в глубочайшем почтении.

Я кратко разъясню здесь,
Как исполнять обеты сыновей сугат,
Согласно Слову Будды.

Я – не художник слова,
И все, что я скажу, уже и так известно.
А потому, не помышляя о пользе для других¹,
Я пишу это, дабы утвердиться в понимании.

Ибо так окрепнет во мне
Стремление творить благое.
А если другие счастливики, подобные мне,
Увидят эти [стихи], возможно, [и им] принесут они пользу.

Невероятно трудно обрести драгоценное рождение² –
Средство достижения высшей цели человека.
Если теперь я не воспользуюсь этим благом,
Когда оно встретится снова?

Как молния вспыхивает на мгновение
В непроглядном мраке облачной ночи,
Так и благая мысль, силою Будды,
Лишь на миг появляется в мире.

Вот почему благое столь слабосильно,
А мощь пагубного – велика и ужасна.
Так какая же добродетель, кроме совершенной бодхичитты,
Способна ее одолеть?

Мудрейшие из мудрых, пребывавшие в созерцании многие калпы,

Узрели, что лишь [бодхичитта]
Способна приумножить радость
И привести к освобождению несметное собрание существ.

О вы, желающие освободиться от многообразных страданий бытия,
Уничтожить всевозможные несчастья существ
И испытать мириады наслаждений,
Не отворачивайтесь от бодхичитты!

Когда бодхичитта пробуждается
В закованных и слабых [существах, томящихся] в темнице бытия,
“Сыновьями сугат” провозглашают их,
Почестями окружают их боги и люди.

Она подобна чудодейственному эликсиру алхимиков³,
Ибо превращает наше нечистое тело
В бесценную жемчужину – Тело Победителя.
И потому крепко держитесь бодхичитты.

Указующие Путь Миру, чьи умы безмерны,
Постигли ее безграничную ценность.
И потому вы, жаждущие избавления от мирских обиталищ,
Должны крепко-накрепко держаться драгоценной бодхичитты.

Все прочие добродетели подобны банановому растению⁴,
Ибо гибнут, принеся свой плод.
Но вечное дерево бодхичитты плодоносит неистощимо
И благоденствует, не увядая.

Даже тот, кто совершил тягчайшие преступления,
Быстро освободится от страха, оперевшись на бодхичитту,
Словно прибегнув к защите сильного человека.
Так почему же неразумные отказываются от такой опоры?

Подобно огню в конце кали-юги,
Она во мгновение ока испепеляет великие злодеяния.
Мудрый Владыка Майтрея разъяснил
Ее неизмеримую благодать ученику Судхане⁵.

В сущности, необходимо знать
О двух бодхичиттах:
Бодхичитте вдохновенной
И бодхичитте деятельной⁶.

Подобно тому, как понимают различие
Между желанием отправиться в путь
И самим путешествием,
Так мудрый различает эти две [бодхичитты].

И хотя велики самсарические плоды
Вдохновенной бодхичитты,

Все же они несравнимы с непрерывным потоком заслуг,
Порождаемым бодхичиттой деятельной.

Если бодхисаттва упрочился в бодхичитте
И не мыслит отступить,
Покуда существа бесконечных миров
Не достигнут полного освобождения,

То с этой минуты,
Даже когда он спит или ум его отвлечен,
Ждет его непрерывный поток заслуг,
Равный просторам неба.

Ради существ, тяготеющих к хинаяне,
Сам Татхагата
Убедительно изложил это
В Субахупарипричха-сутре⁷.

Благонамеренный человек,
Пожелавший избавить существ
От такой малости, как головная боль,
Обретает безмерную заслугу.

Что же говорить о том,
Кто желает уничтожить неизмеримые страдания существ
И наделить их
Безграничными достоинствами?

Есть ли даже у отца и матери
Столь благое намерение?
Есть ли у божеств и провидцев?
Есть ли оно у самого Брахмы⁸?

Если никогда прежде даже во сне
Не могли они породить
Такого намерения ради собственной пользы,
Как же может оно возникнуть ради блага других?

Намерение принести благо всем живущим,
Не возникающее в них даже ради их собственной пользы,
Есть особая драгоценность ума,
Его рождение – небывалое чудо.

И разве возможно оценить достоинства
Этой драгоценной мысли,
Лекарства от страданий мира,
Источника его блаженства?

Если одно лишь благое намерение
Превосходит поклонение буддам,
Что же говорить о деяниях, сотворенных
Ради полного счастья всех существ?

Ведь желая избавиться от страдания
Они, напротив, устремляются к нему,
А желая обрести счастье
Они, словно враги, в омрачении разрушают его

[Бодхисаттва] наделяет всеми радостями
Тех, кто изголодался по счастью.
Он уничтожает всякое страдание
Существ, обременённых многими скорбями.

И устраняет омрачённость.
Где отыскать такого праведника?
Где отыскать подобного друга?
И с чем сравнится его заслуга?

Если всякий, кто платит добром за добро,
Достоин похвал,
То что же говорить о бодхисаттве,
Который творит благое, даже если его не просят?

Добродетельным почитают в миру того,
Кто порой с пренебрежением подаёт горстке существ
Немного простой еды,
Которой им хватает лишь на полдня.

Что же говорить о том,
Кто беспрестанно дарует несравненное блаженство сугат
Несметному собранию существ
И исполняет все их желания?

Покровитель мира изрёк, что всякий, кто помыслит плохое
О сугате – сыне Победителя
Пребудет в аду столько кальп,
Сколько нечистых мыслей родилось в его сердце⁹.

Чистые же помыслы
Порождают плоды в изобилии
Если же тяжкое преступление совершается против сына Победителя
Его добродетели возрастают¹⁰.

Я низко кланяюсь тому,
В ком зародилась эта драгоценность ума.
Я ищу прибежища в этом источнике блаженства,
Который дарует счастье даже тем, кто ему причиняет зло.

Такова первая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Хвала Бодхичитте”.

Глава вторая ОСМЫСЛЕНИЕ СОТВОРЕННОГО ЗЛА¹¹

Дабы обрести это драгоценное [состояние] ума,
С благоговением я совершаю подношения Татхагатам,
Святой Дхарме – сияющей драгоценности
И Сыновьям Будды – океанам совершенств.

Все цветы и плоды, какие только существуют,
И многообразные целебные травы,
Все драгоценные камни, какие только есть в этом мире,
И всевозможные воды чистые и освежающие;

Горы сокровищ, леса и рощи,
А также иные места, уединенные и радующие душу;
Вьюны, украшенные прекрасными цветами¹²,
И деревья с ветвями, несущими бремя плодов;

Из мира богов и других небожителей –
Ароматы, благовония, драгоценные деревья и деревья, исполняющие желания¹³;
Урожай, созревающие сами собой,
И все украшения, достойные служить подношением;

Пруды и озера с цветущими лотосами
И прекрасную песнь диких гусей,
Все, что проявляется в безбрежном пространстве
И не принадлежит никому,

Я мысленно подношу все это
Мудрейшим из мудрых и их Сыновьям.
О Великомилосердные, достойные драгоценных даров,
Явите мне свою милость, приняв мои подношения.

Ибо я – беднейший из бедных, не накопивший заслуг,
И нет у меня никаких иных даров.
О Покровители, жаждущие помочь другим,
Снизойдите и примите эти [подношения] ради моего блага.

Вечно буду я подносить свои тела
Победителям и их Сыновьям¹⁴.
Примите меня, Величайшие Герои.
Я готов служить вам с благоговением.

Под вашей опекой
Я, не страшась самсары, принесу благо всем существам.
Я всецело очищусь от прежних злодеяний
И иного зла не совершу.

В благоуханных ваннах комнатах,
Вымощенных искрящимся прозрачным хрусталем,
С изысканными колоннами из сверкающих самоцветов,

С балдахинами из лучезарных жемчужин,

Под звуки музыки и песнопений
Я омываю татхагат и их сыновей
Из множества сосудов, украшенных изысканными драгоценностями¹⁵,
Наполненных цветами и водами душистыми и пленительными.

Я обтираю тела их
Тканями несравненными, чистыми и надушенными
И подношу им
Благоуханные одеяния ярких цветов.

Я украшаю Арию Самантабхадру, Аджиту,
Манджугхошу, Локешвару¹⁶, и остальных
Божественными одеяниями, мягкими и яркими,
А также лучшими из драгоценных камней¹⁷.

Изысканными благовониями, чьи ароматы
Наполняют все три тысячи миров,
Стану я умащивать тела Мудрейших,
Сияющие, словно чистейшее отполированное золото.

Мудрейшим из мудрых, достойным наивысшего почитания,
Я подношу гирлянды дивные, искусно сплетенные,
А также цветы пленительные и благоуханные –
Мандараву¹⁸, утпалу¹⁹, и лотос.

Я подношу им дымы благовонных курений,
Чьи сладчайшие запахи радуют душу,
А также божественные лакомства –
Разнообразные яства и напитки.

Я подношу им светильники из драгоценностей,
Установленные на золотые лотосы.
И над землей, окропленной душистыми водами,
Я разбрасываю лепестки восхитительных цветов.

Тем, чьи сердца исполнены любви,
Я подношу дворцы, где звучат мелодичные гимны
И чудно сверкают жемчужины и самоцветы,
Достойные украсить беспредельное пространство.

Всем великим Мудрецам я подношу
Драгоценные зонты с золотыми рукоятками
И изысканными орнаментами по краям.
Не отвести глаз от них, устремленных ввысь.

И пусть собрания прекрасных подношений
Под звуки музыки, приятной слуху,
Облаками поднимутся ввысь,
Облегчая страдания живущих.

И пусть непрерывный дождь
Цветов и драгоценных камней ниспадет
На ступы и изображения
И на все драгоценности святой Дхармы.

Подобно тому, как Манджугхоша и другие²⁰,
Совершали подношения Победителям,
Так и я подношу дары татхагатам,
Покровителям и их сыновьям.

Нескончаемым потоком мелодичных гимнов
Я воспеваю Океаны Совершенств²¹
Пусть беспрестанно возносятся к ним
Эти облака ласкающих слух восхвалений.

Сколько атомов существует во всех будда-полях,
Столько раз простираюсь я
Пред всеми буддами трех времен,
Пред Дхармой и Высшим Собранием.

Я также поклоняюсь всем ступам
И прославляю основы бодхичитты²²,
Настоятелей монастырей
И благородных последователей учения²³.

Покуда я не овладел сутью Пробуждения,
Я ищу прибежище в Будде,
Я ищу прибежище в Дхарме
И собрании бодхисаттв²⁴.

Сложив ладони у сердца, я возношу молитву
Совершенным великомилосердным
Буддам и бодхисаттвам
Всех сторон света.

На протяжении безначальной самсары,
В этой жизни и предыдущих,
По недомыслию я творил дурные дела
И подстрекал других к их совершению.

Обманутый омраченностью,
Я находил радость в содеянном.
Но теперь, осознав свои злодеяния,
От всего сердца я поверяю их Покровителям²⁵.

Всё то зло, что я по неуважению причинил
Телом, речью и умом
Трем Драгоценностям Прибежища,
Своим матерям и отцам²⁶, учителям и другим,

Все тягчайшие преступления, совершённые мною, –
Злодеем, очернившим себя

Изобилием пороков,
Я поверяю Указующим Путь.

Смерть может прийти за мной прежде,
Чем я очищусь от своих злодеяний.
И потому я взываю к вам о защите.
Да освобожусь я от зла полностью и без промедления.

На Владыку смерти нельзя полагаться,
Он не станет ждать, пока ты исполнишь свои дела.
Болен ты или здоров, –
Неизвестно, сколько продлится твоя быстротечная жизнь²⁷.

Я оставлю все и уйду.
Не сознавая этого,
Я творил всевозможные злодеяния
Ради своих друзей и из-за своих врагов.

Мои враги обратятся в ничто.
Мои друзья обратятся в ничто.
И я сам обращусь в ничто.
Подобно этому, всё обратится в ничто.

Словно сновидения,
Все мои переживания
Обратятся в воспоминания.
Все, что ушло, не вернется снова.

Даже в этой короткой жизни
Я потерял много друзей и врагов.
Но [плоды] злодеянии, что я вершил из-за них,
Ждут меня впереди.

Так, не понимая,
Что и я сам не вечен,
Я творил много зла
По неведению, из-за ненависти и страсти.

Неустанно, денно и ночью,
Эта жизнь убывает,
И ни дня к ней не прибавишь.
Так разве под силу мне смерти избегнуть²⁸?

И над смертным ложем моим напрасно
Склонятся друзья и родные.
Кончину и предсмертные муки
Мне придется пережить в одиночку.

Когда схватят меня посланцы Ямы,
Где будут тогда друзья и родные?
Лишь моя заслуга сможет меня защитить,
Но на нее я никогда не полагался.

О Покровители! Я, беспечный,
Не знающий страха смерти,
Совершил великое множество злодеяний
Из-за привязанности к своей мимолетной жизни²⁹.

Цепенеет от страха человек, идущий [на эшафот],
Где ему отсекут руки и ноги.
Во рту у него пересохло, глаза ввалились,
Изменился весь его облик.

Что же станет со [мною],
Когда свирепые посланцы Ямы
Схватят [меня], перемазанного нечистотами,
Сраженного болезнью и ужасом³⁰?

Мой испуганный блуждающий взор
Станет искать защиты по четырем сторонам.
Но кто сумеет уберечь меня
От этого ужаса?

Не найдя убежища ни в одной из сторон,
Я впаду в отчаяние³¹.
Что же тогда стану делать я,
Скованный этим великим страхом?

Вот почему теперь я ищу прибежище
В Победителях – покровителях мира, чья мощь велика.
Всеми силами они защищают живущих
И уничтожают любые страхи.

И всем своим существом я ищу прибежище
В ими осуществленной Дхарме,
Изгоняющей страхи колеса бытия,
А также в собрании бодхисаттв.

Трепеща от страха,
Я вверяю себя Самантабхадре.
И по собственной воле
Приношу себя в дар Манджугхоше³².

К Покровителю Авалоките,
Чьи деяния исполнены сострадания,
Я в ужасе обращаю свой страдальческий вопль:
“Молю, защити меня, злодея!”

В поисках защиты
Всем сердцем я призываю
Арью Акашагарбху, Кшитигарбху
И всех Великомилосердных Покровителей.

Я поклоняюсь Ваджрапани:

Увидев его, посланцы Ямы
И другие злобные существа³³
В ужасе разбегаются во все стороны³⁴.

Прежде я не следовал вашим советам,
Но теперь, видя этот ужас,
Я ищу в вас прибежище.
И да уничтожится мой страх во мгновение ока.

Страшась обычных телесных недугов,
Люди неукоснительно следуют советам врача.
Что ж говорить об извечных болезнях –
Страсти, ненависти и прочих изъянах³⁵

И если даже одна из таких болезней
Способна уничтожить всех людей, обитающих на Джамбудвипе,
И если никакого лекарства от них
Не отыскать ни в одной из сторон³⁶,

Тогда пренебрежение
Советами Всезнающего Целителя,
Искореняющего любые страдания,
Есть крайнее невежество и достойно порицания.

И если следует проявлять осмотрительность
На краю небольшого утеса,
То уж тем более – на краю
Пропасти глубиною в тысячу йоджан³⁷

Не подобает утешать себя мыслью:
“Сегодня смерть не придет”,
Ибо непременно наступит время,
Когда я обращусь в ничто.

Кто мне дарует бесстрашие?
Как сумею я освободиться?
Если неизбежно я обращусь в ничто,
Как могу я пребывать в покое?

Что теперь мне осталось
От ушедших переживаний?
Из-за страстной привязанности к ним
Я нарушал предписания учителей.

Оставив этот мир живых,
Всех своих друзей и родных,
Я уйду один-одинешенек.
К чему же мне все эти недруги и друзья?

“Как избежать страдания,
Чье начало в пагубном?”
Постоянно, денно и ночью,

Лишь об этом подобает мне размышлять.

Что бы ни совершил я
В омрачении и по незнанию,
Будь то деяния, порочные по своей природе³⁸,
Или нарушенные обеты, –

Во всем этом я смиренно
Сознаюсь пред Покровителями.
Сложив ладони у сердца, в страхе перед страданиями,
Я снова и снова припадаю к их стопам.

О Указующие Путь Миру,
Я поверяю Вам свои злодеяния и преступления!
О Покровители,
Неблагого я более вершить не стану!

Такова вторая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Осмысление сотворенного зла”.

Глава третья ЗАРОЖДЕНИЕ БОДХИЧИТТЫ³⁹

Великую радость я нахожу
В добродетели, облегчающей страдания
Существ низших миров
И наделяющей счастьем страждущих.

Я сорадуюсь накопленной добродетели,
Помогающей [достичь] Пробуждения.
Я сорадуюсь полному освобождению всех живущих
От страданий самсары.

Я сорадуюсь
Пробуждению Покровителей
И духовным уровням
Сыновей будд.

В бодхичитте, в этой благодати, безбрежной, как океан,
Приносящей блаженство и пользу
Всему живому,
Я нахожу великое счастье и радость.

Сложив ладони у сердца, я молю
Совершенных будд всех сторон света:
"Зажгите Светоч Дхармы
Для всех страдающих из-за омраченности".

Сложив ладони у сердца, я молю
Победителей, пожелавших уйти в нирвану:
"Будьте с нами бесчисленные кальпы,
Не оставляйте живущих во тьме!"

Так пусть же силой заслуги,
Которую я накопил, вознося эту [молитву]⁴⁰,
Все живущие
Полностью избавятся от всяких страданий.

Да буду я лекарем и лекарством
Для страждущих,
И да буду я сиделкой,
Покуда каждый из них не исцелится.

Да сумею я дождем яств и напитков
Уничтожить муки жажды и голода.
А в голодные кальпы⁴¹
Да обращусь я сам в напитки и яства.

Да стану я для бедняков
Неистошимой сокровищницей.
Да буду я превращаться во все, что им нужно,
И да буду всегда у них под рукой.

Нисколько не жалея,
Отдаю я тело свое, вещи
И все добродетели трех времен
На благо всем живущим.

Нирвана есть отречение от всего,
Нирвана – цель моих исканий.
И если должно все отринуть,
Лучше это раздать всем существам.

Я отдал свое тело
На радость всем живущим.
Пусть же они с ним делают, что угодно –
Бьют, унижают, лишают жизни.

Пусть они забавляются с телом моим,
Выставляют его на посмешище и порицание.
Что мне до того?
Я отдал свое тело им⁴²

Пусть они поступают с ним по своему разумению,
Лишь бы это им не причинило вреда.
И когда кто-нибудь обратится ко мне,
Да не пройдет это для него без пользы.

Если в тех, кто столкнется со мной,
Родится недобрый или гневный помысел,

Пусть даже это станет вечным источником
Исполнения всех их желаний⁴³.

Да выпадет счастье обрести полное Пробуждение
Всем, кто оскорбляет меня
Или причиняет иное зло,
А также тем, кто надо мной смеется.

Да буду я защитником для незащищенных,
Проводником – для странствующих.
Да буду я мостом, лодкой или плотом
Для всех, кто желает оказаться на том берегу⁴⁴.

Да стану я островом для жаждущих увидеть сушу
И светочем – для ищущих света.
Да буду я ложем для изнуренных
И слугой – для нуждающихся в помощи.

Да стану я чудотворным камнем⁴⁵, благим сосудом⁴⁶,
Действенной мантрой и снадобьем от всех болезней.
Да стану я деревом, исполняющим все желания,
И коровой изобилия⁴⁷ для всех живущих.

Подобно тому, как земля и другие элементы
Приносят всевозможную пользу
Бесчисленным существам
Беспредельного пространства⁴⁸,

Да буду и я источником жизни
Для живых существ
Всех сторон пространства,
Покуда все они не достигнут нирваны.

Подобно тому, как сугаты прошлого
Зарождали бодхичитту в своих сердцах
И, шаг за шагом,
Исполняли практики бодхисаттв,

Так и я, на благо всего живого,
Сумею зародить бодхичитту
И, шаг за шагом,
Стану выполнять эти практики.

Те разумные, кто, достигнув ясности,
Породил бодхичитту,
Должны так восхвалять её,
Дабы впредь она продолжала расти:

Моя нынешняя жизнь плодотворна,
По счастливой случайности я обрел тело человека.
Сегодня я родился в семействе будды,
И теперь я – один из его Сыновей.

И потому должен я совершать лишь деяния,
Достойные моей семьи.
Я не хочу запятнать
Это безупречное семейство.

Я подобен слепцу,
Отыскавшему жемчужину в мусорной куче,
Каким-то неведомым чудом
Бодхичитта зародилась во мне.

Это – лучшая амрита,
Побеждающая смерть в мире⁴⁹.
Это – неистощимая сокровищница,
Избавляющая мир от нищеты.

Это – всесильное снадобье,
Исцеляющее мир от болезней.
Это – древо, у которого отдыхают все существа,
Уставшие блуждать по дорогам бытия.

Это – мост для всех существ,
Ведущий к освобождению от дурных уделов;
Это – восходящая луна ума,
[Ее лучи] успокаивают мучения, порождаемые клешами.

Это – великое светило,
[Его свет] навеки рассеивает мрак вселенского неведения.
Это – свежее масло
От пахтанья молока истинной Дхармы.

Для каравана существ, блуждающих по дорогам бытия
И жаждущих изведать счастья,
Это праздник, дарующий безмерную радость
Всем пришедшим гостям.

Сегодня пред всеми Покровителями
Я призываю весь мир
Познать земную радость и состояние сугат.
Да возрадуются боги, асуры и все существа!

Такова третья глава "Бодхичарья-аватары", именуемая "Зарождение Бодхичитты".

Глава четвертая САМОКОНТРОЛЬ⁵⁰

Так, упрочившись в бодхичитте,
Сын Победителя уже не должен сворачивать с пути.

Беспреданно должен он прилагать усилия,
Дабы не уклоняться от практики.

Даже если вы связали себя обещанием,
Необходимо пересмотреть –
Совершать или нет
Прометчивое и необдуманное деяние.

Но как можно усомниться в том,
Что было с великой мудростью продумано
Буддами и их Сыновьями
И мною самим в меру моих способностей?

Если, дав это обещание,
Я его не приведу в исполнение,
Я обману всех живущих.
Что за участь тогда ожидает меня?

Сказано, что человек,
Помышлявший отдать другим крохотную вещицу,
Но не исполнивший [своего намерения],
Перерождается голодным духом⁵¹.

А если, искренне пригласив всех существ
[Вкусить] непревзойденного блаженства,
Я затем их обману,
Разве получу я счастливое перерождение?

Только Всеведущий знает суть
Непостижимых деяний тех,
Кто оставляет бодхичитту
И все же достигает освобождения⁵².

[Но] для бодхисаттвы
Это тяжелейшее из падений,
Ибо, если когда-либо это случится,
Благоденствие всех существ будет под угрозой.

А если другие даже на одно-единственное мгновение
Воспрепятствуют его благим [деяниям],
Не будет конца их перерождениям в низших мирах,
Ибо они станут помехой благополучию всех.

И если, причинив горе одному-единственному существу,
Я нанесу себе непоправимый ущерб,
Что ж говорить обо всех существах,
Число которых неизмеримо, как пространство⁵³?

Те же, кто возвращает в себе бодхичитту,
А затем разрушает ее своими пороками,
Продолжают вращаться в колесе бытия
И долго не могут достичь уровней бодхисаттвы.

И потому с благоговением стану я
Поступать сообразно обещанному.
Ибо, если отныне я не приложу усилий,
Я стану падать все ниже и ниже.

Бесчисленные будды приходили [в наш мир]
Ради блага живых существ.
Но из-за моих изъянов
Я не познал их милости.

И если и впредь я буду вести себя так,
Снова и снова я испытаю
[Страдания] неблагих уделов, болезни, смерть,
Неволю и отсечение членов.

И раз крайне редко появляется Татхагата,
Вера, человеческое тело
И способность совершать благое,
Когда [снова] сумею я обрести все это?

Сегодня я сыт и здоров,
И ум мой ясен, как солнце.
Но жизнь обманчива и коротка,
А это тело, как вещь, одолженная на мгновение.

Поступая так же, как прежде,
Я уже не смогу обрести
Драгоценное человеческое рождение.
[А в иных мирах] я стану творить зло, а не благо.

И если сегодня мне выпало счастье вершить добро,
И все же пагубны мои деяния,
Тогда что же сумею я сделать,
Омраченный страданием неблагих уделов?

Если же [там] я не совершу благодеяний,
Но накоплю пороки,
Тогда на протяжении миллионов кальп
Я не услышу даже упоминания о “благих уделах”.

Вот почему Блаженный сказал,
Что, как нелегко черепахе продеть свою шею
В ярмо, гонимое по просторам океана,
Так же невероятно трудно обрести человеческое тело⁵⁴.

И если за мгновение зла
Можно провести целую кальпу в аду Авичи,
То мне и помыслить нельзя о благом уделе,
Ибо мои злодеяния копились с безначальных времен.

Но, пройдя [через муки ада],

Я все же не достигну освобождения,
Ибо, претерпевая их,
Буду я порождать в изобилии новое зло.

И если, получив столь драгоценное рождение,
Я не совершаю благого,
Что может быть хуже подобного заблуждения?
Что может быть неразумнее?

Если, осознавая это,
Я все же по глупости продолжаю лениться,
Когда час моей смерти пробьет,
Долгою будет моя тоска.

Тело мое тогда будет веками пылать
В нестерпимом пламени ада,
И жар невыносимых угрызений
Будет терзать мой необузданный ум⁵⁵.

Каким-то неведомым чудом
Я обрел столь редкое благословенное рождение.
Но если теперь, осознавая это,
Я снова обрекаю себя на [муки] ада,

Значит, я, словно замороженный чарами,
Утратил волю.
Я и сам не знаю, что затуманило мой ум?
Что овладело телом моим?

Ведь у [моих] врагов – ненависти и страсти
Нет ни рук, ни ног,
Ни мудрости, ни отваги,
Как же они превратили меня в раба?

Пребывая в моем уме,
Они мне вредят себе на радость,
Я же сношу их, не гневаясь, терпеливо,
Хотя терпение здесь постыдно и неуместно.

Даже если бы все боги и люди⁵⁶
Ополчились против меня,
Они не сумели бы ввергнуть меня
В ревущее пламя ада Авичи.

Но клеши – могущественные враги
Во мгновение ока низвергают меня в это пекло,
Где не осталось бы даже пепла
От Сумеру – Владыки Гор.

Ни один из врагов не станет
Мучить меня так долго,
Как мои недруги-клеши,

Вечные спутники с безначальных времен.

Все существа, если к ним проявить почтение,
Ответят добром на добро и принесут [нам] счастье.
Но если боготворить свои клеши,
В ответ получишь только одни страдания.

Как могу я находить радость в колесе бытия,
Если в сердце моем всегда уготовано безопасное место
Для этих извечных недругов,
Умножающих всё вредоносное?

И на какое счастье я могу уповать,
Если в сердце моем, опутанном сетями алчности,
Пребывают эти стражи тюрьмы-самсары,
Палачи и мучители адских миров?

И потому, покуда своими глазами я не увижу их гибели,
Я не оставлю усилий.
Малейшее оскорбление приводит в гнев гордецов.
Они не могут спокойно спать, пока не убит их недруг.

В разгар битвы, страстно желая уничтожить тех,
Кого клеши и так обрекут на страдания на смертном одре,
Они не замечают ран от копий и стрел
И не уходят [с поля сражения], пока ни достигнут цели.

Я же решил сразить своих прирожденных врагов,
Испокон веков меня обрекавших на муки.
А значит, и сотни страданий
Не смогут сломить мой дух.

Если шрамы [от копий и стрел] ничтожных врагов
Люди носят на теле как украшения,
Так почему же я, устремленный к великой цели,
Считаю свои страдания злом?

Рыбаки, мясники и земледельцы,
Помышляя лишь о собственном пропитании,
Терпеливо сносят жару и холод.
Почему же я не сохраняю терпение ради благоденствия всех живущих?

Когда я пообещал освободить от клеш
Всех существ, пребывающих
По десяти сторонам безграничного пространства,
Сам я не был свободен от собственных клеш.

И разве не безумием было давать обет,
Даже не осознав, под силу ли мне его привести в исполнение?
[Но раз уж я дал обет], я уже никогда не оставлю
Борьбы со своими клешами.

Только этой [борьбой] буду я одержим:
Движимый яростью, я сойду с ними в битве!
Пусть [пока] сохранится во мне эта клеша,
Ибо она ведет к уничтожению остальных.

Уж лучше сгореть, головы лишиться
Или пасть жертвой убийства,
Чем подчиниться моим врагам –
Вездесущим клешам.

Когда обычный враг изгнан из страны,
Он находит себе пристанище в другом государстве
И, восстановив свои силы, возвращается вновь.
Но иначе ведут себя мои недруги-клеши.

Поверженные клеши! Куда отправитесь вы,
Когда, [обретя] око мудрости, я изгоню вас из своего ума?
Где затаитесь вы, чтобы затем вновь причинить мне вред?
А я, неразумный, опять не прилагаю усилий.

Этих клеш не найти ни в объектах, ни в органах чувств,
Ни между ними, ни где-либо еще.
Где же пребывают они, нанося урон всему миру?
Они – всего лишь иллюзия, и потому
Изгони страх из сердца и будь настойчив в достижении мудрости.
Ибо к чему безо всякого смысла обречь себя на адские муки?

Так, тщательно всё обдумав,
Должен я старательно применять вышеизложенные поучения.
[Ибо] разве исцелит больного лекарство,
Если он не внемлет советам лекаря⁵⁷?

Такова четвертая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Самоконтроль”.

Глава пятая БДИТЕЛЬНОСТЬ⁵⁸

Те, кто желает неотступно практиковать Учение,
Должны внимательно следить за своим умом,
Ибо тем, кто за ним не следит,
Не удастся практиковать неослабно.

В этом мире непокорные и безумные слоны⁵⁹
Не сумеют причинить столько вреда,
Сколько вырвавшийся на свободу слон моего ума,
Способный низвергнуть меня в ад Авичи.

Но, если слон ума крепко-накрепко связан
Веревкой памятования,
Все страхи исчезнут,
А все добродетели сами придут в мои руки.

Тигров, львов, больших слонов, медведей,
Змей и недругов всех мастей,
Стражей адских миров,
Дакин⁶⁰ и ракшас –

Всех можно укротить,
Укротив лишь свой ум.
Всех можно покорить,
Покорив лишь свой ум⁶¹.

Ибо Проповедующий Истину⁶² молвил:
“Все страхи,
А также все беспредельные страдания
Берут начало в уме”.

Чей злой умысел породил орудия [пыток] ада?
Кто создал твердь из раскаленного железа⁶³?
И откуда взялись все эти женщины⁶⁴?

Мудрый сказал, что все это –
[Порождение] порочного ума.
И потому во всех трех мирах,
Кроме ума⁶⁵, нечего опасаться.

Допустим, что парамита даяния⁶⁶ заключается в том,
Чтобы избавить существ от нищеты.
Однако мир по-прежнему беден.
Зачем же тогда упражнялись в ней
Будды древности?

Сказано, что парамита даяния
Это готовность отдать другим все
Вместе с плодами [этого совершенства].
Следовательно, это не что иное, как состояние ума.

Где спрятать [всех] рыб и других существ,
Дабы уберечь их от убиения?
Помысел об отказе [от пагубного]
Называют парамитой нравственности⁶⁷.

Число враждебных существ неизмеримо, как пространство.
Их всех одолеть невозможно.
Но, если победишь гнев, –
Покоришь всех врагов⁶⁸.

Где нашел бы я столько кожи,

Чтоб покрыть всю земную твердь?
Простая кожаная подошва моих башмаков –
И вся земля покрыта⁶⁹.

Подобно этому, не под силу мне
Подчинить себе ход событий,
Но, если сумею я покорить свой ум,
Разве будет нужда покорять что-то еще?

Действия тела и речи при ущербном уме
Не приведут к рождению в мире Брахмы,
Что достигается лишь развитием
Глубокого сосредоточения⁷⁰.

Знающий Истину изрек:
“Даже долгое чтение мантр и умерщвление плоти
Не принесут плода,
Если ум отвлечен на нечто иное”⁷¹.

Те, кто не постиг тайну ума –
Высшую суть Дхармы⁷²,
Будут блуждать бессмысленно и бесцельно
В поисках счастья и избавления от страданий.

А раз так,
Держи в узде и зорко стереги свой ум.
Ибо, если за ним не следить,
Что толку в исполнении иных обетов?

Как укрывал бы я свою рану
В гуще взбудораженной необузданной толпы,
Так же должен я беспрестанно оберегать уязвимые места ума
Среди дурных людей.

В страхе слегка задеть свою рану
Я с нее не спускаю глаз.
Отчего же тогда не забочусь я об уязвимых местах своего ума
В страхе, что горы ада его раздавят⁷³?

И если я стану так жить,
То в окружении женщин
И в обществе недобрых людей
Буду я по-прежнему усердно соблюдать обеты.

Уж лучше лишиться богатства,
Утратить почести, тело,
Средства к существованию и все остальное,
Чем потерять добродетельный настрой ума⁷⁴.

О вы, желающие держать в узде свой ум,
Молю вас, сложив ладони у сердца:
Всеми силами сохраняйте

Памятование и бдительность⁷⁵!

Человек, пораженный телесным недугом,
Ни на что не способен.
Подобно этому, ум, лишенный этих двух [качеств]⁷⁶,
Не в силах ничего совершить.

Все, что постиг небдительный ум
В ходе слушания, осмысления и медитации,
Не удерживается в памяти,
Как вода – в треснувшем сосуде.

Даже те, кто обладает обширными знаниями,
Верой и редким упорством,
Запятнают себя пороками,
Если утратят бдительность.

Утрата бдительности, словно вор,
Вслед за ослаблением памятований
Украдет накопленные заслуги,
Обрекая меня на рождение в низших мирах.

Мои клещи, точно шайка воров,
Выжидают удобного случая.
Улучив момент, они похищают мои добродетели,
Не оставляя надежды на рождение в высших мирах.

И потому я никогда не позволю памятованию
Отойти от дверей моего ума.
А если это случится, должно вспомнить о муках ада⁷⁷
И водворить его на прежнее место.

Памятование легко удерживать
Тем счастливицам, кто пребывает рядом с духовным учителем,
С благоговением внимает советам наставника
И преисполнен страха⁷⁸.

Будды и бодхисаттвы, наделенные всепроникающим взором,
Смотрят во все стороны света.
Все открывается их взору,
И я также стою перед ними.

Размышляя так,
Преисполнись стыдом, благоговением и страхом.
И тогда памятование о буддах
Будет снова и снова возрождаться [в уме]⁷⁹.

Когда памятование стоит
На страже дверей ума,
Тогда приходит и бдительность.
И, даже снова оставив нас, она возвращается.

И потому, как только поймешь,
Что в уме есть изъян,
В тот же миг застынь
[Неподвижно], подобно древу⁸⁰.

Взору не должно блуждать
Рассеянно и бесцельно.
Сосредоточив ум,
Опусти глаза долу⁸¹.

Однако порой осмотришь вокруг,
Чтобы дать отдых глазам.
И если завидишь кого-нибудь,
Устреми к нему взор и обратись с приветствием.

Чтобы проверить, нет ли опасности на пути,
Снова и снова погляди по сторонам.
А перед тем, как остановиться на отдых,
Обернись и посмотри вдаль.

Так, поглядев вперед и назад,
Либо продолжай свой путь, либо возвратись обратно.
Подобно этому, в любой ситуации действуй,
Лишь осознав, что следует совершить.

Решив: “Мое тело останется в таком положении”,
Приступай к действию.
Затем время от времени следи,
Сохраняется ли [избранное тобой] положение.

Старательно проверяй,
Не вырвался ли на свободу бешеный слон твоего ума,
Привязан ли он
К великому столбу размышлений о Дхарме.

Дабы ни на единый миг
Не утратить сосредоточения⁸²,
Постоянно исследуй свой ум,
Спрашивая себя: “Чем он занят?”

Если в минуты опасности или веселья этого сделать не удастся,
Сохраняй покой.
Сказано, что, практикуя даяние,
Можно оставить без внимания нравственную дисциплину⁸³.

Осознав, что надлежит предпринять,
Сосредоточь свой ум на [осуществлении этой задачи]
И ни на что иное не отвлекайся,
Покуда она не будет исполнена.

И если так поступать, – все будет удаваться.
А иначе ничего не достигнешь.

Кроме того, усилятся вторичные клеши,
Возникающие при недостатке бдительности⁸⁴.

Оставь пристрастие
К пустым разговорам,
Которые бывают нередко,
И всевозможным развлечениям.

Если безо всякой цели станешь рвать траву,
Копать землю и чертить на ней линии⁸⁵,
Тогда, припомнив поучения Татхагат
И исполнившись страха, немедленно остановись.

Когда пожелаешь
Пойти куда-либо или вымолвить слово,
Прежде всего исследуй свой ум,
А затем в твердой решимости все исполни, как надо.

Когда в уме возникнет
Привязанность или гнев,
Воздержись от деяний и слов
И застынь [неподвижно], подобно дереву.

Когда в уме зародится высокомерие⁸⁶,
Язвительная насмешка, гордыня, самодовольство,
Желание твердить о чужих пороках,
Притворство и ложь,

Когда возжелаешь похвалы
Или вознамеришься порицать других,
Когда захочешь вымолвить резкое слово и посеять раздор, –
Застынь [неподвижно], подобно дереву.

Когда возжелаешь
Достатка, почестей или славы,
Когда станешь искать слуг или приближенных,
Застынь [неподвижно], подобно дереву.

Когда перестанешь помышлять о других
И будешь думать лишь о собственном благополучии,
Когда вознамеришься говорить, дабы привлечь внимание,
Застынь [неподвижно], подобно дереву.

Когда овладевают тобой нетерпение, лень,
Робость, бесстыдство, охота пустословить
Или пристрастные мысли,
Застынь [неподвижно], подобно дереву.

Так, тщательно проверив, не завладели ли клеши его умом
И не возникла ли в нем тяга к бесплодному,
Герой⁸⁷ должен хранить твердость ума,
Применяя противоядия.

С решимостью, верой и благоговением,
Непоколебимостью, учтивостью, совестливостью,
Осторожностью и безмятежностью
Усердствуй на благо другим⁸⁸.

Противоречивые прихоти незрелых существ
Не должны нас повергать в уныние.
Взирай на них с состраданием,
Зная, что причина этому – клеши.

Совершая непорочные дела
На благо себе и другим,
Помни, что ум свободен от гордыни,
Словно иллюзорное существо.

“Наконец-то мне удалось обрести
Это драгоценное рождение”.
Снова и снова размышляя об этом,
Уподобь свой ум непоколебимой горе Меру.

Когда грифы, жадные до плоти,
Таскают по земле и рвут на куски это тело,
Ты, о, ум, не ведаешь горя.
Отчего же тогда ты так печешься о нем теперь?

Считая это тело “своим”,
Отчего, о ум, ты так его бережешь?
Раз тело и ум отделены друг от друга,
Что за польза тебе от него?

Отчего, омраченный ум,
Ты не цепляешься за чистую деревянную статую,
Но защищаешь
Этот грязный механизм, наполненный нечистотами?

Сперва мысленно отдели
Слой кожи [от мяса],
А затем мечом мудрости
Отдели мясо от скелетного остова.

Раздробив кости,
Взгляни на мозг
И задайся вопросом:
“Где же сущность этого [тела]?”

Если и после упорных исканий
Ты не сможешь постичь сути этого тела,
Тогда ответь, почему
Ты по-прежнему его бережешь⁸⁹?

Что за польза тебе от этого тела?

Его грязные внутренности не пригодны в пищу,
Его кровь для питья не годится,
А кишки обсасывать не станешь.

Впрочем, его можно беречь
На корм шакалам и грифам.
Это человеческое тело
Следует применять на деле.

Как бы ты ни берег свое тело,
Безжалостный Владыка Смерти
Украдет его у тебя и отдаст собакам и грифам.
Что тогда станешь ты делать?

Если знаешь, что слуга покинет твой дом,
Ты не станешь наделять его одеждой и имуществом.
К чему же тогда изнурять себя заботой о теле,
Ведь сколько бы ты его ни кормил, оно все равно оставит тебя^{90?}

“Уплатив” содержание телу,
Заставь его трудиться себе во благо.
Ибо работнику не отдают
Все то, что он создает⁹¹.

Взирай на тело свое как на лодку –
Всего лишь средство передвижения.
И на благо живущим
Преврати его в тело, исполняющее желания.

Теперь, обрета власть над умом,
Всегда улыбайся.
Перестань хмурить лоб и брови,
Первым начинай разговор и стань другом для всех⁹².

Будь всегда осмотрителен.
Не шуми, передвигая сиденья и другие предметы,
Не хлопай дверьми.
В тишине всегда находи усладу.

Цапли, кошки и воры
В тишине бесшумно крадутся
И добиваются своего.
Пусть и подвижник всегда движется так же.

С почтением⁹³ принимай советы тех,
Кто искусно наставляет других
И сам предлагает помощь.
Будь всегда учеником всех живущих.

Всякому, чья речь добродетельна,
Говори: “Хорошо сказано”.
А если увидишь творящего доброе дело,

Поддержи его похвалой.

Превозноси достоинства других, даже если они того не слышат.
Снова и снова рассказывай о них с удовольствием⁹⁴.
Если же речь пойдет о твоих достоинствах,
Просто знай, что их ценят.

Цель всех деяний – радость,
Но, даже владея несметным богатством, ее нелегко обрести.
А потому возрадуйся достоинствам других,
Взращенным с величайшим трудом.

Так в этой жизни ты ничего не упустишь,
А в грядущих – познаешь великое счастье.
Но, если возненавидишь других, обречешь себя на страдание,
А в будущих существованиях – на нестерпимые муки.

Мягким и нежным голосом
Говори от чистого сердца и по существу,
Дабы слово твое было понятно, приятно уху И сказано из сострадания⁹⁵.

К кому бы ты ни обратил свой взор,
Взирайте на него с открытым сердцем и любовью,
Думая: “Это существо поможет мне
Достичь состояния будды”.

В полях совершенств, помощи и страданий
Всегда руководствуйся высоким устремлением
И применяй противоядия.
Так обретешь великое благо⁹⁶.

С умением и верой
Совершай любую работу.
Какое бы дело ты ни исполнял,
Не полагайся ни на кого.

В ряду парамит, начиная с даяния,
Каждая последующая превосходит по значимости предыдущую
Ради малого не отказывайся от великого,
Если нет на то особых предписаний⁹⁷.

Постигнув это,
Постоянно усердствуй на благо другим.
Всевидящие Милосердные позволяли
Совершать даже то, что запрещено⁹⁸.

Разделив свой стол с узниками низших миров,
С беззащитными и с исполняющими обеты винаи,
Вкушай понемногу.
Раздай все, кроме трех монашеских одеяний⁹⁹.

Это тело помогает постичь святую Дхарму.

Не наноси ему урон ради малой выгоды.
Так ты сумеешь быстро исполнить
Желания всех существ.

Если нет в тебе чистого сострадания,
Не приноси свое тело в жертву.
В этой и в следующей жизни
Употреби его для достижения великой цели.

Глубокую и обширную Дхарму¹⁰⁰ не излагай
Тем, кто не знает почтения,
Кто, словно в болезни, голову обернул тканью,
У кого при себе зонты, палки, оружие, а голова покрыта;

Людям низшего кругозора¹⁰¹,
А также женщинам, если мужчины нет с ними рядом.
[Однако] выказывай равное уважение
К высшей и низшей Дхарме.

Не сообщай низшую Дхарму
Тому, кто является сосудом для Дхармы обширной.
Не оставляй путь бодхисаттвы
И не вводи других в заблуждение сутрами и мантрами¹⁰².

Когда плюешь или выбрасываешь зубочистки,
Засыпай это землю¹⁰³.
Недостойно испускать мочу и прочее
В воду или на землю, используемую другими людьми.

Когда ешь, не следует набивать свой рот,
Широко его раскрывать и громко чавкать.
Сидеть, вытянув ноги,
И потирать ладони¹⁰⁴.

Не путешествуй, не возлежи и не сиди
Наедине с чужими женщинами.
Увидев и расспросив, что принято [в данной местности],
Откажись от поведения, беспокоящего мирян¹⁰⁵.

Не указывай пальцем,
А, разъясняя путь,
Почтительно протяни
Открытую ладонь правой руки.

Не кричи и не размахивай руками,
Если на то нет крайней необходимости,
[Но привлекай внимание] щелчком пальцами¹⁰⁶,
А иначе утратишь контроль над собой.

[Перед сном] ляг в желаемом направлении,
Подобно тому, как лежал Покровитель, уходя в нирвану¹⁰⁷.
И сразу же, сохраняя бдительность,

Вознамерься пробудиться без промедления.

Нет числа деяниям бодхисаттвы,
Так говорят учения.
А потому прежде всего исполняй
То, что очищает ум.

Трижды ночью и трижды днем
Перечитывай вслух Трискандха-сутру¹⁰⁸.
Так, вверив себя Победителям и бодхичитте,
Очистишь свой ум от оставшихся пороков и злодеяний.

Старательно применяй учения,
Предписанные для тех обстоятельств,
В которых ты оказался
По своему желанию или по воле других.

Ибо нет ничего, что не должен познать
Сын Победителя¹⁰⁹.
Тот, кто искусен в этом,
Не ведает пагубного.

Всё, что совершаешь прямо и косвенно,
Пусть будет на пользу другим.
Все деяния, сотворенные ради Пробуждения,
Посвящай благоденствию живущих.

Никогда, даже если придется пожертвовать жизнью,
Не отвергай духовного друга,
Постигшего суть учений Великой Колесницы
И соблюдающего обеты бодхисаттвы.

Научись почитать учителя,
Как преподано в Житии Шрисамбхавы¹¹⁰.
Это и прочие наставления Будды
Постигнешь, читая сутры.

Читай сутры,
Ибо в них описаны практики.
Изучи коренные падения,
Изложенные в Акашагарбха-сутре¹¹¹.

Непреренно снова и снова
Перечитывай Шикшасамуччаю¹¹²,
Ибо там подробно описаны
Благие деяния.

Время от времени обращайся
К Сутрасамуччае,
А также усердно изучай
Одноименные труды несравненного Нагарджуны.

Видя, что запрещено,
А что предписано,
Применяй учения,
Дабы защитить умы мирян¹¹³.

Итак, подводя итог,
Бдительность –
Это непрерывное осознание
Состояния ума и тела.

Это я должен исполнить на деле,
Ибо одними словами чего добьешься?
Разве сможешь больному
Чтением медицинских трактатов?

Такова пятая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Бдительность”.

Глава шестая ПАРАМИТА ТЕРПЕНИЯ¹¹⁴

Какие бы благодеяния
Мы ни накопили за тысячу кальп,
Будь то поклонение Сугатам или даяние, –
Мгновенная вспышка гнева может все это уничтожить.

Нет зла страшнее ненависти,
И нет подвижничества превыше терпения¹¹⁵
И потому усердно подвизайся в терпении,
Прибегая к многообразным методам.

Ум не познает покоя,
Не найдет ни счастья, ни радости,
Сна лишится, утратит стойкость,
Если иглы гнева терзают сердце.

Господин, исполненный ненависти,
Может пасть от рук даже тех,
Кого он наделяет
Богатством и почестями.

Близкие и друзья будут его опасаться.
Даже познавшие его щедрость не станут ему служить.
Одним словом, ничто не подарит счастье
Гневливому человеку.

Всякий, кто признает недругом гнев,
Порождающий такие страдания,
И одолеет его в упорном бою,

Познает счастье и здесь, и в иных мирах.

Недовольство, возникающее во мне,
Когда нечто происходит вопреки моей воле
Или препятствует исполнению моих желаний,
— Это пища для гнева, меня разрушающего.

И потому должен я лишиться пищи
Этого недруга,
Ибо он только и делает,
Что причиняет мне вред.

Что бы ни выпало мне на долю,
Пусть неизменной будет радость моя.
Ибо в печали я не достигну желаемого,
И мои добродетели истощатся.

К чему печалиться,
Если все можно еще поправить?
И к чему печалиться,
Если ничего уже поправить нельзя¹¹⁶?

Ни себе, ни своим друзьям
Ты не желаешь страдания и презренья,
Бесчестья и оскорблений.
Врагам же – наоборот.

Причины счастья редки,
А причины страданий весьма многочисленны.
Но без страданий невозможно освободиться из колеса бытия,
Так будь же стоек, мой ум!

Аскеты Карната и сыновья богини Кали
Понапрасну предают свое тело огню и мечу¹¹⁷.
Так неужели не хватит мужества у меня,
Устремленного к Пробуждению?

Нет ничего, к чему постепенно
Нельзя было бы себя приучить¹¹⁸.
И потому, привыкнув преодолевать небольшие страдания,
Сумеешь вытерпеть и великие муки.

И разве ты не считаешь ничтожным
Страдание от укусов жуков,
Слепней и комаров¹¹⁹,
Жажды, голода и сыпи на теле?

Сноси терпеливо
Жару и холод, ветер и дождь,
Странствия и болезни, кабалу и избиения,

А иначе твои мучения будут приумножаться.

Одни при виде собственной крови
Обретают особую смелость и стойкость.
Другие же, увидев чужую кровь,
Теряют сознание.

И стойкость, и малодушие
Берут начало в уме.
И потому не поддавайся страданиям
И превозмоги свою боль.

Даже в страдании мудрецы сохраняют
Ясность и невозмутимость ума.
Ибо это сражение с клешами,
А во всякой битве немало мучений¹²⁰.

Героями величают тех,
Кто, невзирая на муки,
Одолел врагов своих – ненависть и страсть.
Остальные же умерщвляют лишь трупы.

К тому же страдание обладает благими свойствами,
Ибо в страждущем гордыня умирается,
Пробуждаются сочувствие ко всем существам в самсаре,
Страх перед пагубным и стремление к Победителям¹²¹.

Если я не гневаюсь на желтуху –
Источник страшных мучений,
Тогда к чему гневаться на живущих,
Ведь они также – жертва условий?

Хотя никто не желает болеть,
Болезни все же приходят.
Подобно этому, хотя никто не желает гневаться,
Гнев вспыхивает вопреки нашей воле¹²².

Не помышляя: “Да разгневаюсь”,
Люди, сами того не желая, приходят в ярость.
Так же и гнев вспыхивает,
Не помышляя: “Да возникну”.

Всё зло, какое только существует на свете,
И всевозможные изъяны
Появляются в силу условий.
Ничто не возникает само по себе.

Собрание условий
Не имеет намерения: “Да возникнет...”,
И порождаемое ими
Не имеет намерения: “Да возникну”.

То, что якобы является праматерией¹²³,
И то, что описывается как “я”,
Не появляются на свет, помыслив:
“Да возникну”.

Поскольку они не возникают, они и не существуют,
Как же могут они захотеть появиться?
Поскольку [“я”] было бы постоянно связано с объектами [восприятия],
Эта [связь] никогда бы не прекращалась.

Если бы атман был вечен¹²⁴,
Он был бы бездеятелен, как пространство.
И, даже попав в иные условия,
Какие деяния он, неизменный, мог бы совершить?

Как может атман совершать деяния,
Если в момент деяния он остается таким же, как прежде?
Если же он совершает деяние в силу связи [с чем-то иным],
То разве [атман] – причина [деяния]?

Итак, все зависит от определенных [причин],
Которые также от чего-то зависят.
Зачем же, осознав это, гневаться
На явления, подобные призракам?

Тогда укрощать гнев было бы неразумно,
Ибо кто и что стал бы обуздывать¹²⁵?
Это разумно, ибо в силу зависимого возникновения
Страдание отсекается¹²⁶.

И потому, видя, как недруг или благожелатель
Совершает несправедное деяние,
Я сохраню безмятежность,
Думая: “Это – следствие условий”.

Если бы все совершалось
По желанию существ,
Тогда бы никто не ведал страданий.
Ибо страдания кто желает?

По невнимательности
Люди ранят свои тела о шипы и другие предметы.
А желая заполучить женщин и прочее,
Они приходят в ярость и отказываются от пищи.

Есть и такие, кто вешается,
Со скал бросается в пропасть,
Глотает яд и вредоносную пищу,
Уничтожает себя пагубными делами.

Если под влиянием клеш
Они лишают жизни даже свое драгоценное “я”,

Как могут они не причинять вред
Телам других живущих?

Даже если не питаешь сочувствия к тем,
Кто, в плену своих клеш,
Совершает самоубийство,
Разве мыслимо на них гневаться?

Если такова уж природа незрелых существ –
Причинять зло другим,
Тогда злиться на них столь же нелепо,
Как гневаться на огонь за то, что он обжигает.

А если их порок случаен
И они добры по своей природе,
Тогда злиться на них столь же нелепо,
Как гневаться на небо за то, что дым застигает его.

Я гневаюсь не на палку – источник боли моей,
Но на того, кто ею орудует.
Но ведь им движет ненависть,
Значит, на ненависть и следует гневаться.

В прошлом я причинял
Такую же боль другим существам.
И если теперь они мне наносят вред,
Я сам это заслужил.

Вражеский меч и тело мое –
Вот две причины страданий.
Так на кого же мне гневаться –
На меч, схваченный им, или на тело, обретенное мною?

Это тело подобно болезненному нарыву,
Прикосновения к которому вынести невозможно.
Если в слепой жажде я сам за него цепляюсь,
На кого же мне гневаться, когда тело пронзает боль?

Неразумный, я не желаю страданий,
Но желаю причин страданий.
И если из-за своих пороков я обречен на муки,
Как могу я гневаться на других?

Своими деяниями я породил и эту [боль],
И чащу деревьев с мечами-листьями,
И птиц адских миров¹²⁷.
Так на кого же мне гневаться?

Мои собственные поступки
Побуждают других мне вредить.
Из-за моих деяний они идут в миры ада.
Так не я ли гублю их?

Оперевшись на них, я избавлюсь от многих пороков,
Подвизаясь в терпении.
Они же из-за меня надолго канут
В мучительные адские миры.

Именно я причиняю им вред,
Они же мне помогают.
Так почему, совершив отвратное,
Ты еще и гневаешься, злобный ум?

Если чисты мои помыслы,
Я избавлю себя от адских миров.
[Так] я сумею защитить себя,
Но как уберечь существ?

Если на зло я отвечу злом,
Их это не защитит.
Я же нарушу нормы нравственного поведения,
И от истинного подвижничества не останется и следа.

Поскольку ум бестелесен,
Никто не сумеет причинить ему вред.
Но он привязан к телу,
И потому его терзают страдания.

Ни презрение, ни злая речь
Ни бесчестье
Не наносят вреда этому телу.
Отчего же, ум, ты впадаешь в ярость?

Ни в этой, ни в следующей жизни
Неприятнь существ
Не сможет меня уничтожить.
Почему же тогда я бегу от нее?

Не потому ли, что их неприятнь
Мешает мне стяжать блага земные?
Но ведь все, обретенное мною, исчезнет,
И только мои пороки меня не покинут.

И потому лучше уж умереть сегодня,
Чем прожить долгую, но порочную жизнь.
Ибо и долгожителю
Все равно не миновать смертных мук.

Допустим, один человек пробуждается ото сна,
В котором он счастлив был целую сотню лет,
А второй – ото сна,
В котором он счастлив был только одно мгновение.

Когда они пробудятся,

Разве вернется блаженство?
Так же и жизнь, коротка она или длинна,
В смертный час оборвется.

Даже если я накоплю множество благ земных
И проведу в блаженстве долгие годы,
Словно ограбленный, я уйду [из этого мира]
С пустыми руками и без одежды.

Владея земным богатством,
Я могу искоренить пороки и обрести заслуги.
Но если я стану гневаться из-за них,
Разве не истощатся мои заслуги и не приумножатся пороки?

Так моя жизнь
Потеряет всякую ценность.
Ибо что толку от жизни того,
Кто творит лишь неблагое?

Если ты гневаешься на тех, кто тебя чернит,
Ибо [этим] он отвращает существ,
Тогда почему ты не впадаешь в гнев,
Когда унижают других?

Если ты терпеливоносишь,
Когда о других злословят,
Почему же не можешь стерпеть злые слова о себе,
Ведь они сказаны о возникновении клеш?

Неразумно гневаться на людей,
Оскорбляющих и оскверняющих
Изображения, ступы и святую Дхарму,
Ибо невозможно нанести ущерб буддам и бодхисаттвам.

Как было сказано выше,
Не позволяй себе гневаться на тех,
Кто причиняет зло учителям, близким и друзьям,
Осознавая, что это происходит в силу условий.

И живое, и неживое
Приносит вред существам.
Почему же ты гневаешься лишь на живое?
Сноси терпеливо всякое зло.

По неведению один совершает зло,
А другой по неведению гневается.
Кого из них назовем безупречным,
А кого – злодеем?

Зачем прежде я совершал все те поступки,
Из-за которых другие теперь мне причиняют вред?
Все пожинают плоды своих деяний.

Кто я такой, чтобы это изменить?

Осознав это,
Должен я усердно творить благое,
Дабы все существа
Питали любовь друг к другу.

Когда огонь, охвативший один из домов,
Готов перекинуться на другой,
Убирают солому и всё,
Что помогает пламени распространиться.

Подобно этому, когда пламя ненависти охватывает ум
Из-за его привязанности,
Отбрось её, не мешкая,
В страхе, что заслуги твои сгорят.

Если приговоренному к смерти отрубят лишь руку,
Не благо ли это?
И если ценою земных страданий избавишь себя от ада,
Не благо ли это?

Если не под силу тебе превозмочь
Ничтожные страдания этой жизни,
Тогда почему не отвергнешь гнев –
Источник мучений ада?

Из-за гнева¹²⁸
Тысячи раз я горел в аду,
Но от этого не было пользы
Ни мне самому, ни другим.

А страдание [этой жизни] несравнимо с [муками ада],
Оно приносит великое благо.
И потому должен я только радоваться
Такому страданию, избавляющему всех от мучений.

И если кто-то обретает радость и счастье,
Прославляя достоинства других существ,
Отчего, ум, и ты не возрадуешься,
Их прославляя?

Радость, которую ты обретешь, [прославляя существ], –
Это источник чистого удовольствия,
Не запрещенного Совершенными,
А также высшее средство привлечь других.

Если же ты не желаешь [видеть] счастье других,
Думая, что оно принадлежит только им,
Тогда также перестань оплачивать труд и приносить дары,
Но помни, это пагубно скажется на проявленном и непроявленном¹²⁹.

Когда прославляют твои совершенства,
Ты желаешь, чтобы другие были счастливы вместе с тобой.
А когда превозносят совершенства других,
Сам ты радоваться не в силах.

Желая счастья всем существам,
Ты породил бодхичитту.
Как же можешь ты гневаться,
Когда они сами находят счастье?

Если желаешь, чтобы все существа стали
Буддами, которым поклоняются в трех мирах¹³⁰,
Как же ты можешь терзаться,
Видя, как им воздаются мирские почести?

Когда родственник,
Находящийся на твоём попечении,
Сам находит средства к существованию,
Как можешь ты гневаться, а не радоваться?

Если ты даже этого не желаешь живым существам,
Как можешь ты желать, чтобы они обрели Пробуждение?
И разве есть бодхичитта в том,
Кто гневается, когда другим достаются мирские блага?

Что за дело тебе, одарят другого или нет?
Получит ли он этот дар
Или тот останется в доме его благодетеля, –
Тебе самому ничего не достанется¹³¹.

Скажи, почему ты не гневаешься [на себя самого],
Растерявшего заслуги,
Расположение людей и достоинства?
Почему сам не породил причин для стяжания¹³²?

Сотворив дурное,
Ты не только не знаешь раскаяния,
Но еще и берешься соперничать с теми,
Кто творит благие дела.

Даже если твой недруг в унынии,
Что за радость в том для тебя?
К чему желать [ему зла],
Ведь это [желание] вреда ему не причинит.

И даже если он будет страдать, как ты того желал,
Тебе-то в том что за радость?
Если скажешь: “Я буду этим доволен”,
Что может быть губительней?

Ужасен крючок, заброшенный рыбаками-клешами.
Если я на него попадусь,

Стражи ада уж точно
Сварят меня в котлах.

Восхваления, слава и почести
Не идут в заслугу и не продлевают жизнь,
Не прибавляют сил, не исцеляют болезни
И не услаждают тело.

Если бы я понимал, что идет мне во благо,
Разве стал бы я их ценить?
Но, если мой ум ищет лишь наслаждений,
Не лучше ли увлечься вином, играми и другими утехами?

В поисках славы
Люди разбазаривают богатство и жертвуют жизнью.
Но что толку в пустых словах [похвалы]?
Когда мы умрем, кому принесут они радость?

Когда мы лишаемся славы и восхвалений,
Наш ум уподобляется маленькому ребенку,
Который рыдает в отчаянии,
Видя, как рушится его песочный замок.

Не являясь одушевленным,
Слово и не помышляет меня восхвалять.
Но радость того, кто хвалит меня, –
Вот источник моего счастья¹³³.

Но что мне за дело, если кто-то иной находит радость,
Восхваляя другого или даже меня самого?
Эта радость принадлежит лишь ему одному,
Мне не достанется и малой толики.

А если сумею я разделить с ним его счастье,
Значит, всегда должен я так поступать.
Почему же тогда я несчастлив,
Когда другие находят радость в любви к кому-то иному?

И потому несуразна радость,
Возникающая во мне
При мысли: “Меня восхваляют”.
Это – всего лишь ребячество.

Слава и восхваления отвлекают меня
И рассеивают печаль самсары.
[Из-за них] я завидую достойным
И злюсь, видя их успехи¹³⁴.

И потому те, кто усердно старается
Лишить меня славы и почестей,
Разве не защищают меня
От неблагих уделов?

Я, устремленный к освобождению,
Не должен сковывать себя почестями и стяжанием.
Как же я могу ненавидеть
Тех, кто меня избавляет от этих пут?

Как могу я гневаться на тех,
Кто, словно по благословию Будды,
Закрывает врата предо мной,
Идущим к страданию?

Неразумно гневаться на того,
Кто препятствует мне в обретении заслуги,
Ибо нет подвижничества, равного терпению.
Так разве не в этом должен я подвизаться?

И если из-за своих пороков
Я здесь не проявляю терпения,
Значит, я сам создаю препятствия
Для обретения заслуги.

Если без первого [звена] не возникает второе,
А с появлением первого появляется и второе,
Значит, первое является причиной второго.
Как же может оно являться препятствием¹³⁵?

Ибо нищий, пришедший в нужное время,
Не является преградой для щедрости.
И нельзя сказать, что посвящающий в монахи –
Это преграда для получения посвящения.

Много нищих существует на свете,
Но нелегко повстречать злодея.
Ибо, если я не причинял боль другим,
Мало кто станет мне вредить.

И потому, как сокровищнице, появившейся в доме моем
Безо всяких стараний с моей стороны,
Должен я радоваться недругу,
Ибо он содействует мне в деяниях бодхисаттвы.

Вместе с ним
Мы обретем плоды терпения.
И сначала следует их поднести ему,
Ибо именно он – причина терпения.

Если скажешь, что недруга не за что почитать,
Ибо у него нет намерения тебе помогать подвизаться в терпении,
Тогда за что почитать святую Дхарму,
Ведь и у нее нет намерения способствовать твоим достижениям?

“Моего недруга не за что почитать,
Ибо у него есть умысел мне навредить”.
Но как мог бы я проявить терпение,
Если бы он, словно лекарь, стремился мне принести добро?

И если терпение возникает
Лишь при встрече со злонамеренным умом,
Значит, он один – причина терпения.
Должен я почитать его, как святую Дхарму.

Поле живущих, молвил Мудрый, –
Это Поле Победителей¹³⁶
Ибо, почитая тех и других,
Многие достигали высшего совершенства.

И если и живущие, и Победители
В равной степени способствуют обретению качеств будды,
Отчего же я не почитаю живущих
Так же, как чту Победителей?

Конечно, не благостью намерений,
Но плодами схожи они.
В этом и состоит величие живущих,
И потому они равны буддам¹³⁷.

[Заслуга, возникающая] при почитании праведных существ,
Свидетельствует о величии живущих.
А заслуга, порождаемая доверием Будде,
Говорит о величии будд¹³⁸.

И потому живущие равны Победителям,
Ибо помогают обрести качества будды.
Однако никто из живущих [своими благими свойствами]
Не сравнится с буддами – безбрежными океанами совершенств.

И если в ком-нибудь проявится хотя бы мельчайшая частица
Бесподобного собрания совершенств,
Даже подношения трех миров
Не хватит, дабы воздать ему почести.

Итак, живущие содействуют
Проявлению высших качеств будды.
Именно в этой связи
Их надлежит почитать.

Да и что, кроме почитания живущих,
Может стать наградой
Истинным друзьям,
Приносящим неизмеримую пользу¹³⁹?

Служа живым существам, вознаградишь
Тех, кто ради них жертвует жизнью и спускается в ад Авичи.
И потому должен я приносить пользу людям,
Даже если они мне причиняют великое зло.

И если ради них мои Повелители
Не щадят даже самих себя,
Так почему же я, глупец, преисполнен гордыни?
Отчего я не служу им?

Счастье живущих приносит блаженство Мудрейшим из мудрых,
А их страдание Мудрецам приносит печаль.
Радуя существ, подаришь счастье Мудрейшим из мудрых,
А причиняя им зло, причинишь его и Мудрецам.

Подобно тому, как желаемое не приносит счастья уму,
Если тело объято пламенем¹⁴⁰,
Так не в силах радоваться Милосердные,
Когда существам наносится вред.

И потому я, причинивший зло живым существам
И опечаливший Великомилосердных,
Сегодня раскаиваюсь в своих неблагих деяниях.
О Мудрецы, простите мне те огорчения, что я вам доставил.

Отныне, дабы порадовать татхагат,
Стану я служить миру всем своим сердцем.
Пусть мириады существ коснутся ступнями моей головы¹⁴¹
И повергнут меня на землю, буду я радовать Покровителей Мира.

Милосердные, без сомнения,
Видят себя во всех живых существах¹⁴².
А потому существа и есть Покровители.
Как же можно их не почитать?

Лишь так¹⁴³ я сумею обрадовать татхагат,
Лишь так я смогу достичь своей цели.
Лишь так можно рассеять страдания мира.
И потому лишь это следует мне исполнять.

Если слуга правителя
Истязает толпы людей,
Дальновидные, даже имея возможность,
Не станут на зло ответственность злом,

Ибо видят они, что за этим [слугой]
Стоит грозный правитель.
А потому не стоит недооценивать слабых существ,
Нам причиняющих вред,

Ибо за ними – стражи ада

И Милосердные.
Поэтому радуй живых существ,
Как подданные радуют грозного царя.

Разве мог бы разгневанный царь
Причинить тебе адские муки,
Которые ожидают тебя,
Если ты принесешь страдание живущим?

И разве мог бы милостивый правитель
Даровать тебе состояние будды,
Которое обретешь,
Принося радость живущим?

Да и что говорить о состоянии будды...
Неужели не видишь ты, что и в этой жизни
Богатство, слава и счастье –
Все это плод радости, подаренной живым существам?

Ибо в самсаре терпение порождает
Красоту и здоровье,
Известность, долголетие
И великое блаженство Чакравартинов.

Такова шестая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Парамита терпения”.

Глава седьмая ПАРАМИТА УСЕРДИЯ¹⁴⁴

Взрастивший терпение пусть разовьет усердие,
Ибо без усердия не придешь к Пробуждению.
Подобно тому, как без ветра нет движения¹⁴⁵,
Без усердия нет заслуг.

Что такое усердие?
Это стремление к благому.
Что называют его противоположностью?
Лень, тягу к предосудительному,
Уныние и самоуничижение.

Источник лени –
Праздность, пристрастие к удовольствиям,
Тяга ко сну и отдыху
И равнодушие к страданиям самсары.

Ловцы-клеши загнали тебя
В ловушку рождений.
Как до сих пор ты не понимаешь,

Что пребываешь в пасти смерти?

Неужели не видишь,
Как она убивает тебе подобных, одного за другим?
Ты же, словно буйвол у мясников,
Пребываешь в глубоком сне.

Покуда Яма следит за тобой,
Отрезав все пути к отступлению,
Как можешь ты находить усладу в еде,
Сне и радостях плоти?

Смерть приходит, не медля, с оружием наготове¹⁴⁶.
Даже если в тот час
Ты сумеешь стряхнуть с себя лень,
Слишком поздно. Что сможешь ты поделать?

“Это я не завершил, это я только начал,
А это сделал лишь наполовину.
Как внезапно смерть подступила!
О, я, несчастный!” – подумаешь ты.

Глядя на близких своих, надежду утративших,
С лицами, слезами залитыми,
С глазами, красными и распухшими от тоски,
Ты увидишь посланников бога смерти.

Терзаясь воспоминанием о своих злодеяниях,
Ты услышишь звуки адских миров.
В ужасе ты испачкаешь тело свое нечистотами.
Что сможешь ты поделать в этом бреду?

Если уже тогда ты преисполнишься страха,
Думая: “Я – как живая рыба [на раскаленном песке]”,
Что ж говорить о неистовых муках ада,
Которые станут плодом твоих злодеяний?

О изнеженное дитя,
Даже простой кипяток обжигает тело твое.
Как же можешь ты пребывать в покое,
Сотворив деяния, ведущие в ад?

Ты жаждешь плодов, не прилагая усилий.
Ты так изнежен и так страдаешь.
В тисках смерти ты ведешь себя, словно бессмертный.
О несчастный, ты обрекаешь себя на гибель!

Сев в лодку человеческого тела,
Пересеки этот великий поток страдания.
Не время спать, безрассудный!
Эту лодку трудно обрести вновь.

Оставив высшую радость святой Дхармы –
Источник безбрежной радости,
Зачем находишь усладу в беззаботном веселье –
Причине страданий?

Не впадая в уныние, накапливай силу
И храни строгий контроль над собой.
[Видя] ревностность себя и других,
Практикуй замену себя другими¹⁴⁷.

Не отчаивайся, помышляя:
“Разве под силу мне достичь Пробуждения?”
Ибо Татхагаты, чьи речи правдивы,
Изрекли такую истину:

“Упражняясь в усердии,
Даже те, кто прежде был мухой, комаром, пчелой или червем,
Достигали высшего Пробуждения,
Которое так нелегко обрести¹⁴⁸”.

Так неужели ты, человек по рождению,
Способный отличить благое от пагубного,
Не достигнешь освобождения,
Доверившись Всеведущему¹⁴⁹?

Если ты впадаешь в страх при мысли:
“Мне придется пожертвовать руками, ногами и прочими членами”
Значит, не умея распознавать,
Ты путаешь важное и незначительное¹⁵⁰.

Ведь в течение бесчисленных миллионов калып
Тебя множество раз резали, жгли, кололи,
С живого сдирали кожу,
Но ты так и не пришел к Пробуждению.

А малое страдание,
Ведущее к Совершенному Пробуждению,
Подобно боли, ощущаемой
При извлечении мучительной занозы¹⁵¹.

Неприятными процедурами
Все целители изгоняют болезни.
И потому сноси терпеливо малую боль,
Чтобы искоренить мириады страданий.

Но Высший Целитель избегает
Обычных [мучительных] процедур.
Самыми мягкими средствами
Он освобождает от тяжелейших недугов.

Сперва Указующий Путь
Предпишет даяние пищи.

А затем, когда это освоишь,
Постепенно придешь к отречению от собственной плоти.

Взрастив в себе мудрость,
Будешь смотреть на тело свое как на пищу.
Разве будет трудно тогда
Отречься от собственной плоти?

Если отвергнешь пороки, не будет страданий,
А если взрастишь в себе мудрость, не будет волнений.
Ибо источник душевных мук – ложные измышления,
А причина телесных страданий – пагубные деяния.

В силу заслуг тела Милосердных пребывают в блаженстве,
А в силу мудрости познают счастье их умы.
Что может опечалить их,
Ради других остающихся в колесе бытия?

Благодаря бодхичитте
[Бодхисаттва] искореняет давние пороки
И обретает океаны заслуг.
И потому он идет впереди шравак.

Взойдя на колесницу бодхичитты¹⁵²,
Разгоняющую всякое уныние и усталость,
Будет ли унывать тот,
Чей ум восходит от радости к радости?

Устремление, стойкость, радость и отдых
Помогают в труде на благо живущих¹⁵³.
Породи устремление, созерцая его пользу
И преисполнившись страха перед страданиями.

Старательно взращивай усердие,
Искореняя силы, ему противодействующие¹⁵⁴,
С помощью устремления, гордости¹⁵⁵, радости, отдыха,
Решимости и самообладания:

Должен я победить бесчисленные пороки
Ради себя самого и других¹⁵⁶.
Но целый океан кальп пройдет,
Прежде чем одолеешь хотя бы один из них.

А в себе самом я не вижу и капли упорства,
Дабы искоренить эти пороки.
Как только сердце мое не разорвется?
Ведь я сам стал пристанищем неизмеримых страданий.

Должен я взрастить в себе бесчисленные достоинства
Ради себя самого и других¹⁵⁷.
Но целый океан кальп пройдет,
Прежде чем обретешь хотя бы одно из них.

Я же не прилагаю упорства,
Дабы взрастить и крупицу этих достоинств.
Разве мыслимо тратить впустую
Чудом обретенное рождение!

Я не делал подношений бхагаванам,
Не радовал [существ] великими праздниками,
Не трудился во благо Учения,
Не исполнял желаний обездоленных,

Не вселял бесстрашия в испуганных,
Не дарил покой страждущим.
Был я лишь острой иглой,
Доставляющей муки материнской утробе.

Прежде не чувствовал я устремления к Дхарме,
И потому все эти несчастья
Приключились со мной теперь.
Как мог я отказываться от устремления к Дхарме?

Ведь сказано Мудрым:
“Устремление – это корень всех добродетелей,
А его основа –
Неустанное размышление о плодах деяний”.

Страдания, тягостные переживания,
Всевозможные страхи
И препятствия на пути к исполнению желаний –
Всё это плоды пагубных дел.

Чего бы ни пожелал
Творящий благое,
Повсюду встречает он почитание
И пожинает плоды своих заслуг.

Какого бы счастья ни пожелал
Творящий дурное,
Повсюду настигают его стрелы страданий,
Порожденные его пагубными делами.

За благие деяния ты родишься в просторной, благоуханной и прохладной сердцевине лотоса.

Вскормленное сладкими речами Победителя
Твое прекрасное тело появится из цветка, распутившегося в лучах Мудреца,
И среди сыновей сугат ты предстанешь пред ним¹⁵⁸.

А за дурные деяния служители Ямы сдерут с тебя кожу,
А плоть твою опустят в жидкую медь, расплавившуюся от немыслимого жара.
Пронзенное огненными мечами и кинжалами твоё тело разлетится на сотни кусков
И рухнет на твердь железную, неистово пылающую.

И потому устремись к благому,
Созерцая его с благоговением.
А затем взрасти истинную гордость,
Как предписано в Ваджрадхваджа-сутре¹⁵⁹.

Прежде всего, поразмысли о предстоящем
И реши, приступить к исполнению или нет.
Ибо лучше вовсе не начинать,
Чем, начав, бросить.

[А иначе] привычка так поступать сохранится и в следующей жизни.
Страдания и пороки будут приумножаться,
А другие деяния не свершатся
Или принесут ничтожные плоды.

Истинную гордость употреби на свершение [благих] деяний,
[Борьбу] с вторичными клешами и [развитие] способностей.
“Это я совершу в одиночку”, –
Такова гордость в отношении деяний.

Люди этого мира, омраченные клешами,
Не способны принести себе пользу.
Так пусть это будет моей задачей,
Ибо, в отличие от них, я не бессилён.

Как могу я сидеть, сложа руки,
Предоставив другим исполнение грязной работы?
Из-за гордыни я так поступаю,
Лучше было бы мне её уничтожить.

Перед мертвой змеей
Даже ворона ощущает себя Гарудой.
Если дух слаб,
Даже мелкие неприятности могут меня сломить.

Напасти всегда подстерегают того,
Кто, впав в уныние, утратил силы.
Но даже величайшее испытание не сломит того,
Кто усерден и мужествен.

И потому, воспитав в себе стойкость,
Я одержу верх над всеми напастьями.
Ибо, покуда они меня побеждают,
Мое желание покорить три мира поистине смехотворно.

Одержу я победу надо всем,
И ничто на свете не сумеет меня одолеть!
Так преисполнюсь гордостью,
Ведь я – сын Льва-Победителя.

Несчастливы существа, сраженные гордыней¹⁶⁰,
В них нет и следа истинной гордости.

Они – во власти врага, гордыни.
Тот же, кто преисполнен истинной гордости, врагу не сдается.

Гордецы перерождаются в низших мирах.
Но и в человеческом теле не могут они познать радость.
Глупые, жалкие и безобразные,
Они становятся слугами, поедающими пищу с чужого стола.

А если гордецов-аскетов,
Презираемых повсеместно,
Относят к числу преисполненных истинной гордости,
Что может быть печальнее?

Те, кто с истинной гордостью одолеет врага – гордыню,
Суть доблестные победоносные герои.
Уничтожив вездесущего врага,
Они явят миру плод своей победы.

Если полчища клеш возьмут в кольцо,
Тысячью способов дай им отпор.
Будь неуязвим для стаи клеш,
Как лев в оленьем стаде¹⁶¹.

Даже в час больших потрясений
Глаз не способен воспринимать вкус¹⁶².
Так и ты не поддавайся клешам
Даже в трудные времена¹⁶³.

Подобно тому, как выигрыш манит азартного игрока,
Влечет [бодхисаттву]
Всякое дело.
Ненасытный в делах, он в них находит радость.

В поисках счастья люди берутся за труд,
Но не всегда счастье им достается.
Но разве могут бездействовать те,
Кто находит счастье в самом труде?

Чувственные улады подобны мёду на лезвии бритвы,
Но их никогда не бывает вдоволь.
Так как же можно насытиться нектаром заслуг,
Приносящих сладкие полезные плоды?

И потому, дабы исполнить работу,
Отдайся ей всем существом
Подобно тому, как слон, истомленный полуденным солнцем
Окунается в воды озера.

Но когда силы на исходе, отложи всякую работу,
Чтобы вернуться к ней позже.
А когда все будет завершено, оставь ее,
Преисполнившись желанием взяться за дальнейшее.

Уклоняйся от нападения клеш
И решительно их атакуй
Так, будто с мечом в руках сражаешься
С искусными противниками¹⁶⁴.

Если [воин] выронит меч,
Тотчас же в страхе он его подберет.
Подобно этому, если выронишь меч памятования,
Подбери его, вспомнив об аде.

Как яд, проникнув в кровь,
Разносится по всему телу,
Так и пороки, найдя уязвимое место,
Заполняют ум.

Пусть принявший обеты будет столь же внимателен,
Как человек, несущий горшок горчичного масла
Под пристальным взглядом меченосцев,
Грозящих убить его, если он споткнется.

Если змея заползет на колени,
Ты мгновенно на ноги вскочишь.
Подобно этому, если охватят тебя сонливость и лень,
Немедленно дай им отпор.

Совершив проступок,
Всякий раз подвергай себя осуждению,
Думая: “Как мне поступать,
Чтобы не повторить его снова?”

“В любых условиях следует
Сохранять памятование”, –
Так размышляя, устремись к достойным людям
И славным делам.

Вспомнив наставления о самоконтроле¹⁶⁵,
Преисполнись решимости,
Дабы всегда быть готовым
К исполнению всякого дела.

Как повинуется ветру хлопковый пух,
Его порывами то вперед, то назад увлекаемый,
Так и ты повинуйся стремлению к благому¹⁶⁶
И взрастишь духовную силу¹⁶⁷.

Такова седьмая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Парамита усердия”.

Глава восьмая ПАРАМИТА МЕДИТАЦИИ¹⁶⁸

Так, развив усердие,
Укрепись в самадхи,
Ибо человек, чей ум рассеян,
Пребывает в клыках своих клеш.

Но, если уединишься умом и телом,
Избавишься от отвлечений.
А потому оставь мирскую жизнь
И отбрось блуждающие помыслы.

Привязанность и жажда накоплений
Мешают нам отречься от мира.
И потому, размышляя,
Мудрые отвергают их¹⁶⁹.

Випашьяна, основанная на шаматхе,
Искореняет клешы.
Зная это, сперва устремись к шаматхе.
Ее достигнешь, отвергнув радости мира¹⁷⁰.

Ибо зачем невечному человеку
Питать привязанность к другим невечным существам,
Если в течение многих тысяч перерождений
Он не встретит снова своих любимых?

В разлуке с ними ты несчастен,
И твой ум не способен достичь самадхи.
Но, даже увидев их, ты не знаешь покоя.
Желание терзает тебя, как и прежде.

Не в силах познать истинную реальность,
Ты теряешь отвращение к самсаре.
Желая встретить любимых,
Ты терзаешься от тоски.

Если думать лишь о любимых.
Жизнь пролетит впустую.
Из-за невечных существ
Потеряешь нетленную Дхарму.

Если в своих деяниях уподобишься незрелым людям,
Непреренно переродишься в низших мирах.
А если не станешь им подражать, они тебя невзлюбят.
К чему же тогда с ними водиться?

Мгновенье назад они были друзьями,
Мгновенье прошло, и они во врагов обратились.
Когда в пору радоваться, они преисполнены гнева.

Обычным людям¹⁷¹ нелегко угодить.

Они сердятся, когда слышат добрый совет,
И отговаривают меня от полезного.
Если же их не слушать,
Они гnevаются и попадают в низшие миры.

Они завидуют вышестоящим,
Соперничают с равными и заносчивы со стоящими ниже.
С надменностью они встречают похвалу, с гневом – упрек.
Когда же будет хоть какой-нибудь толк от этих незрелых людей?

В общении с незрелыми людьми
Неизбежно рождается пагубное:
Самовосхваление, унижение других
И разговоры о радостях самсары.

Дружба с незрелыми существами
Приносит одни несчастья.
Лучше уж счастливо жить в одиночестве,
Избавив свой ум от клеш¹⁷².

Беги прочь от незрелых людей.
А если встретишься с ними, порадуй их учтивым обхождением.
При этом избегай панибратства,
Будь добр, но беспристрастен.

Как пчела с цветка собирает нектар,
Я возьму лишь то, что полезно для Дхармы.
Буду жить я, не заводя знакомств,
Словно раньше меня не существовало.

“Я – богат, почитаем,
И многие любят меня”.
Даже так помышляющий не избегнет смерти
И испытает страх, когда она придет.

В чем бы ни отыскал свое счастье
Ум, ослепленный наслаждением,
Страдание тысячи видов возникает
И настигает его.

Пусть же мудрый не знает желаний,
Ибо они порождают страх.
К тому же желания проходят сами собою,
Будь же тверд и зрирай на них беспристрастно.

Многие здесь обретали богатство
И достигали известности.
Но никто не знает, куда ушли они,
Богатые и известные.

Если есть люди, питающие ко мне отвращение,
Как могу я находить радость в похвале?
И если есть те, кто меня превозносит,
Как могу я унывать из-за порицаний?

И если даже Победителям не под силу угодить
Всем существам с их многообразными наклонностями,
Что ж говорить обо мне – невежде?
К чему мне тогда заботиться о мирянах?

Они презирают неимущих
И порицают богатых.
Разве отыщешь радость в общении с теми,
Кто по природе пребывает в страдании?

Незрелый человек никому не может быть другом,
Ибо, покуда он не извлечет своей выгоды,
Он не в силах радоваться.
Так сказано Татхагатами¹⁷³.

Но любовь из-за выгоды –
Это, в действительности, любовь к самому себе,
Подобно тому, как печаль при утрате имущества
На самом деле вызвана утратой наслаждений¹⁷⁴.

Деревья, олени и птицы
Не говорят дурного.
Когда же я поселюсь среди них,
С кем дружить – услада?

Когда же я поселюсь в пещере,
В заброшенном храме или у комля древа,
Не оглядываясь назад
И не зная привязанности?

Когда же я поселюсь на просторах
Первозданных земель, никому не принадлежащих,
Отдыхая и блуждая,
Где мне заблагорассудится?

Когда же буду я жить без страха,
Ничего не имея, кроме чаши для подаяний,
Облачась в одежды, которыми вор не прельстится,
И не заботаюсь о теле?

Когда же пути меня приведут на кладбище,
Где я сумею сравнить
Свое тело, подверженное распаду,
С прочими трупами?

Ибо тело мое будет так же

Источать это зловоние.
Из-за смрада даже шакалы
Не посмеют подойти к нему близко.

Даже цельные кости,
Рожденные вместе с плотью,
Распадутся на части.
Что ж говорить о друзьях и любимых?

В одиночестве рождается человек
И в одиночестве он умирает.
Этой горькой участи не разделить никому,
Так к чему нам любимые, воздвигающие препятствия?

Подобно тому, как странник
Находит себе пристанище,
Так и существа, блуждающие по дорогам бытия,
Находят пристанище в каждом новом рождении.

Пока четыре могильщика
Не унесли это тело
На глазах горюющих мирян,
Удались в леса.

Ни с кем не водя дружбы и не враждуя,
Буду я пребывать в уединении.
Все сочтут меня за умершего.
И когда я и вправду умру, не будет горя в миру.

Никто меня не потревожит
Горестным плачем
И никто не отвлечет
От памятования о Будде.

И потому стану я вести одинокую жизнь,
Блаженную, лишенную трудностей,
Ведущую к благоприятному
И избавляющую от отвлечения.

Отбросив все прочие заботы
И сосредоточив свой ум на единственном помысле,
Должен я усердствовать в достижении самадхи
И в усмирении ума.

Ведь и в этом, и в других мирах
Желания приносят одни несчастья:
В этой жизни – кабалу, избиения и расчленение тела,
В следующей – [перерождение] в адах и других низших мирах.

Та, ради которой
Ты столько раз обращался к сводням и сводникам,
Ради которой не гнушался

Ни бесславием, ни пагубными делами,

Подвергался опасности,
Растрачивал свое богатство;
Та, которую обнимая,
Ты испытывал наслаждение,

Это всего лишь скелет,
Лишенный “я” и собственной воли.
Неужели его ты жаждешь?
Не лучше ли прийти к Освобождению?

Видел ли ты раньше ее стыдливо опущенный лик,
Силой приблизив его к глазам,
Или он был сокрыт кисеей,
И тебе не довелось его видеть?

Теперь же грифы,
Словно потакая твоему нетерпению,
Обнажили это лицо. Взгляни на него!
Почему же ты убегаешь?

[Прежде] ты укрывал её
От чужого взгляда.
Отчего же теперь, когда [птицы] ее пожирают,
Ты, ревнивец, не прячешь [любимую]?

Ты видишь теперь, как грифы и другие [животные]
Поедают эту грудку плоти.
Зачем только ты подносил гирлянды цветочные, сандал и украшений
Той, что теперь стала пищей других?

Неподвижны скелеты,
И все же, глядя на них, ты содрогаешься.
Почему же ты не боишься тела, подобного ожившему трупу,
В который вселился злой дух¹⁷⁵?

И слюна, и нечистоты
Берут начало в пище.
Почему же нечистоты тебе отвратительны,
А слюна – приятна?

В нежной на ощупь подушке, набитой хлопком,
Ты не находишь услады,
А дурного запаха тела не слышишь.
Сластолюбец, ты помешался на нечистом!

Ты испытывал страсть к этому телу, когда [кожей] было оно покрыта
Почему же ты не желаешь его теперь, когда нет на нем кожи?
И если без кожи тебе оно ни к чему,
Зачем обнимать его, когда [кожа] его покрывает¹⁷⁶?

Если нет в тебе страсти к нечистому,
Зачем обнимаешь других?
Ведь они – всего лишь корзины из костей,
Стянутые мускулами и вымазанные грязью плоти.

В тебе самом полно нечистот,
Удовольствуйся этим.
Охочий до всякой скверны!
Позабудь о других мешках с грязью¹⁷⁷!

“Я люблю это тело”, –
[Думая так,] ты желаешь видеть и осязать его плоть.
Но как ты можешь желать его,
Ведь оно по природе лишено сознания¹⁷⁸?

Душу, которой ты жаждешь,
Ты не сможешь ни увидеть, ни потрогать,
А то, что сможешь, – не будет душой.
К чему же тогда бессмысленные объятия?

Неудивительно, что ты не понимаешь,
Что тела других нечисты.
Но поистине поразительно,
Как своей нечистоты ты не видишь!

О ум, помешанный на нечистом,
Почему не глядишь на прекрасный лотос, рожденный из тины и
Распустившийся в солнечном свете в безоблачный день?
Что за радость находишь ты в корзине с грязью?

Если ты не желаешь касаться
Земли, оскверненной нечистотами,
Почему тогда жаждешь коснуться тела,
Из которого они появляются?

Если нет в тебе тяги к нечистому,
Зачем обнимаешь других,
Появившихся на свет из нечистого места,
Порожденных нечистым семенем и вскормленных нечистотами?

Грязного червяка, возникшего из нечистот,
Ты не желаешь лишь потому, что он мал?
Должно быть. Ведь ты же жаждешь тела,
Состоящего из массы грязи и также рожденного из нечистот!

Ты не только не чувствуешь отвращения
К собственной грязи,
Но, одержимый страстью к нечистому,
Жаждешь других мешков с грязью.

Даже такие восхитительные яства,
Как камфара, рис и приправы,

Оскверняют землю,
Если выплюнуть их изо рта.

Нечистота тел очевидна.
Но если остались сомнения,
Взгляни на безобразные тела других,
Брошенные на месте сожжения трупов.

Когда содрана кожа с тела,
Оно внушает ужас.
Как можно, зная это,
К нему по-прежнему испытывать влечение?

Запах, который сейчас исходит от тела,
Это запах сандала и ничего иного.
Так почему же ты жаждешь тела
Из-за запаха, который ему не принадлежит?

Если по своей природе тело дурно пахнет,
Не лучше ли оставить влечение к нему?
Почему же люди находят усладу в никчемном [теле],
Умачивая его благовониями?

Раз этот приятный запах принадлежит сандалу,
Разве тело – его источник?
Почему нас влекут чужие тела
Из-за запахов, которые им не принадлежат?

Если нагое тело в его естественном состоянии,
С длинными ногтями и волосами,
С желтоватыми дурно пахнущими зубами
И запахом грязи, поистине вселяет ужас,

Так зачем ты усердно наводишь лоск,
Словно чистишь меч, который тебя поразит?
Землю и так будоражит безумие
По милости тех, кто усерден в самообмане.

Увидев тела на месте сожжения трупов,
Ты чувствуешь отвращение,
Но при этом находишь радость в селениях-кладбищах,
Переполненных ходячими скелетами.

Хотя [женское] тело полно нечистот,
Его не получишь даром.
Ради него ты себя изнуряешь трудом,
Мучаешься в адах и других [мирах].

Ребенок не может нажать добра. Разве он может быть счастлив?
Да и в юности что за радость?
Она проходит в добывании денег.
А старику что до радостей плоти?

Есть люди, исполненные порочных желаний,
Они весь день работают до изнеможения.
А вечером, возвратившись домой,
Валяются с ног и спят, как убитые.

Другие, отправившись в поход,
Страдают на чужбине.
Годами не видя жен и детей,
Изнывают они от тоски.

Ослепленные желанием,
Они продают ради того,
Чего так и не получают.
Работая на других, они жизнь свою тратят впустую.

Жены тех, кто себя продает
И беспрестанно выполняет поручения [хозяина],
Рожают детей под деревьями
В диких лесах.

В поисках средств к существованию
[Мужчины] идут на войну, рискуя собственной жизнью.
Теша гордыню, они идут в услужение.
О, как смешны эти глупцы – рабы своих желаний!

Из-за желаний, одним – отсекают члены,
Других – сажают на кол,
Третьих – сжигают,
Четвертых – колют кинжалами.

Знай, что в богатстве заключены бесконечные несчастья,
Ибо страдание сопровождает его обретение, защиту и утрату.
Те, чей ум отвлечен из-за привязанности к богатству,
Не способны достичь освобождения от мук бытия.

Как скоту, тянущему повозки,
Удастся ухватить лишь пучок травы,
Так и людям, охваченным желаниями,
Много тяжкого выпадает на долю и мало приятного.

Ради минутных удовольствий,
Доступных даже скоту,
Несчастные пускают по ветру
Столь редкое драгоценное рождение.

Немыслимые усилия совершаются
Ради этого бренного тела,
Которое неизбежно умрет,
Канет в ад и другие миры¹⁷⁹.

Приложив миллионную долю этих усилий,

Можно достичь Пробуждения.
Рабы желаний страдают больше, чем идущие по Пути,
Но Пробуждения не достигают.

И меч, и яд, и огонь,
И [падение в] пропасть, и недруги –
Все это ничто в сравнении с желаниями.
Только подумай о муках адских миров!

Так, исполнившись отвращения к желанию,
Найди усладу в уединении,
В безмятежных лесах,
Где нет ни разногласий, ни ссор.

Овеваемые тихим и нежным лесным ветерком,
Бродят блаженные по горным террасам, громадным, словно дворцы,
Охлажденным сандаловым бальзамом лунного света,
И размышляют, как принести благо другим.

В пустых домах, у комлей деревьев, в пещерах
Живут они, сколько душе угодно,
Не имея нужды стеречь свои достояния
И не зная забот.

Повинуясь лишь собственной воле, не зная привязанностей,
Никакими узами себя не сковывая,
Они вкушают блаженство,
Едва ли доступное даже Индре – владыке богов.

Так или иначе
Поразмыслив о достоинствах уединения
И успокоив блуждание помыслов,
Взрасти совершенную бодхичитту.

Прежде всего старательно созерцай
Равенство себя и других, думая:
“Все существа в равной мере ощущают страдание и счастье.
Должен я защищать их, как себя самого”¹⁸⁰.

Тело, поделенное на руки и прочие члены,
Оберегают как единое целое.
Так же оберегай и мир, поделенный на отдельных существ,
Но единый в своем счастье и страдании.

Мое страдание
Не причиняет вреда телам других существ.
Но для меня оно невыносимо
Из-за привязанности к собственному “я”.

Подобным образом я не могу ощутить
Страданий другого.
Но для него оно невыносимо

Из-за его привязанности к собственному “я”.

Должен я избавить других от страданий,
Ибо их страдание от моего не отлично.
Должен я помогать другим,
Ибо они – существа такие же, как и я сам.

Если и я, и другие
В равной мере желаем счастья,
То что особенного во мне?
Почему я добиваюсь счастья для себя одного?

Если и я, и другие
В равной мере страшимся страданий,
То что особенного во мне?
Почему я оберегаю себя, а не других?¹⁸¹

Если я их не берегу [от страданий],
Потому что их муки мне не приносят вреда,
Тогда зачем беречь себя от будущего страдания,
Ведь [сейчас] мне оно не вредит?

Неверно думать:
“Именно мне достанется [грядущее страдание]”,
Ибо один человек умирает,
И совершенно другой рождается.

Ты думаешь, что страждущий
И должен оберегать себя от страданий.
Но ведь боль в ноге – это не боль в руке,
Почему же рука защищает ногу?

Ты говоришь: “Хотя это неразумно,
Это совершается из-за цепляния за “я””.
Но неразумное для себя и других
Следует всеми силами отвергать.

Поток психики, подобный четкам,
И собрание элементов, подобное армии, – нереальны.
А раз страдающего [“я”] не существует,
Кому страдание может принадлежать¹⁸²?

Если нет страдающего [“я”],
То и не может быть разделений [на “мое” и “чужое” страдание].
Страдание следует устранить просто потому, что оно существует.
Разве могут здесь быть какие-то ограничения?

“Зачем предотвращать страдание всех существ?”
Здесь не о чем спорить.
Если его устранять, то устранять полностью,
А если нет, то не следует устранять ни своих, ни чужих страданий.

“Если сочувствие приумножает страдание,
Зачем его возвращать с усердием?”
Поразмысли о муках мира.
Разве велико страдание, вызванное сочувствием?

Когда страдание одного
Может положить конец страданиям многих,
Тогда милосердный устремляется к такому страданию
Ради себя и других.

Вот почему Супушпачандра,
Даже зная, как разгневается царь,
Принял муки,
Дабы многих уберечь от страданий¹⁸³.

Тот, кто, настроив так свое сознание,
Находит радость в успокоении чужих страданий,
[Охотно] спускается даже в ад Авичи,
Словно дикий гусь – в лотосовый пруд.

И если океаном радости станет
Освобождение всех существ,
Неужели тебе этого мало?
Почему желаешь освобождения лишь для себя одного?

Трудясь на благо другим,
Не кичись, не считай себя особенным
И не жди созревающих плодов [деяний],
Стремись к единственной цели – принести пользу другим.

Поэтому, как себя я оберегаю
Даже от небольших неприятностей,
В той же мере должен я развить
Сострадание к другим и стремление их опекать.

В силу привычки я принимаю за свое “я”
Капли спермы и крови родителей,
Хотя у существа, [рожденного ими],
Нет подлинной основы¹⁸⁴.

Так почему бы мне не считать “собою”
Тела других существ?
Ведь нетрудно установить,
Что мое собственное тело мне не принадлежит.

Познав, что “я” отягощено пороками,
А другие – это океан совершенств,
Размышляй об отказе от самости
И о любви к другим существам.

Мы дорожим руками и прочими членами,
Ибо они – части нашего тела.

Почему же мы не дорожим существами,
Ведь они – частицы этого мира?

Мысль о “я” при взгляде на это тело, лишённое самости,
Появляется в силу привычки.
Так почему бы не породить привычку
Видеть себя в других?

Трудясь на благо другим,
Не зазнавайся и не считай себя исключительным.
Мы ведь не ждем вознаграждения,
Когда для себя самих добываем пищу.

Поэтому, как ты оберегаешь себя
От скорби, печалей и прочего,
В той же мере возрасти в себе
Сострадание к другим и стремление их опекать.

Так, покровитель Авалокита
Наделил свое имя силой
Изгонять любые страхи,
Даже робость перед собранием людей¹⁸⁵.

Не отворачивайся от трудного.
Ибо в силу привычки
Люди даже тоскуют по тем,
Чье имя им прежде внушало страх¹⁸⁶.

Всякий, кто желает быстро освободить
Других и себя самого [из колеса самсары],
Должен прибегнуть к высшей тайне –
[Медитации о] замене себя другими¹⁸⁷.

Из-за сильной привязанности к “я”
Даже ничтожная опасность внушает страх.
Так не лучше ли возненавидеть его
Как врага, вселяющего ужас?

Тот, кто убивает птиц, рыб и оленей,
Кто устраивает засады,
Желая избавить себя
От болезни, жажды и голода,

Кто ради наживы и почестей
Убивает родителей
И крадет достояния Трех Драгоценностей,
Будет гореть в пламени ада Авичи.

Разве мудрец станет желать,
Оберегать и почитать это “я”?
Разве мыслимо поклоняться ему?
Не лучше ли видеть в нем врага?

“Что я стану есть, если отдам?” –
Таково своекорыстие злых духов.
“Что я отдам, если съем?” –
Вот бескорыстие, достойное царя богов.

Если ради собственной пользы причиняешь зло другим,
Будешь печься в адах и прочих [низших мирах].
Но, если ради других причинишь вред себе,
Достигнешь самого совершенного.

Если захочешь возвеличить себя,
Переродишься в дурных мирах, ничтожным и глупым.
А если пожелаешь славы другому,
Переродишься в блаженных мирах, почитаемым и мудрым.

Если станешь других использовать в своих целях,
Сам пойдешь в услужение.
А если будешь служить другим,
Сам станешь господином.

Всякое блаженство, какое только есть в этом мире,
Проистекает из стремления принести счастье другим.
Всякое страдание, какое только есть в этом мире,
Проистекает из стремления к собственному счастью.

К чему многословие?
Глупцы стремятся к собственной выгоде,
А будды приносят благо другим.
Просто взгляни на различие между ними!

Если не обменяешь свое счастье
На страдания других существ,
Не сумеешь достичь состояния будды,
И в колесе самсары откуда возьметса счастье?

Что уж говорить о будущих существованиях,
Даже в этой жизни слуга, который не исполняет работы,
И хозяин, который не платит жалование,
Не могут достичь желаемого.

Не заботясь о счастье друг друга
И так отказываясь от блаженства в этой и грядущей жизни,
Невежественные люди обрекают себя на немислимые страдания,
Причиняя друг другу вред.

Все беды этого мира,
Многообразные страдания и страхи
Возникают из-за цепляния за “я”.
К чему же мне этот кровожадный демон?

Если не отвергнешь “я”,

Не сумеешь избавиться от страданий,
Как не избегнешь ожогов,
Не затушив огня.

Поэтому, дабы облегчить свои страдания
И унять муки других,
Я отдам себя всем существам
И буду лелеять их, как себя самого.

О ум, реши так:
“Я – во власти других”.
Отныне не помышляй ни о чем,
Кроме благополучия всех живущих.

Мои глаза теперь принадлежат другим существам,
Не подобает с их помощью выискивать свою выгоду.
Мои руки и прочие органы теперь принадлежат другим существам,
Не подобает с их помощью добиваться своего благополучия¹⁸⁸.

А потому, подчинившись живым существам,
Всё, что увижу на собственном теле,
Я у него отниму
И употреблю во благо другим.

Поставив на свое место низших, [равных и высших] существ,
А себя – на место других,
Сосредоточь свой ум на гордыне, ревности и зависти,
Освободив его от блуждающих помыслов¹⁸⁹.

Его почитают, а не меня.
Я не нажил столько добра, сколько он стяжал.
Его хвалят, меня хулят.
Он счастлив, а я страдаю.

Я занят грязной работой,
А он пребывает в праздности.
Он – великий мира сего,
Я же – ничтожество, лишенное достоинств.

Но разве возможно не обладать достоинствами?
У всякого они есть.
В сравнении с одними я ничтожен,
А в сравнении с другими – велик.

Не по моей собственной воле, но из-за клеш
Пошатнулись мои нравственность и воззрения.
Я мечтаю об исцелении.
Даже боль я согласен перенести.

Но, если ему не под силу исцелить,
Почему тогда он презирает меня?
Пусть у него есть достоинства,

Мне от них что за польза?

Нет у него сострадания к тем,
Кто пребывает в ядовитой пасти дурных уделов.
Он кичится своими достоинствами
И жаждет превзойти мудрецов.

А когда он считает другого ровней себе,
Он стремится доказать свое превосходство,
Добиваясь богатства и почестей
Даже ценой раздоров и ссор.

Если бы все люди мира
Узнали о моих достоинствах,
Никто бы и слушать не стал
О его совершенствах.

Если бы мои пороки были скрыты [от глаз людей],
Меня стали бы почитать, а не его.
Мне бы достались богатства,
Меня бы превозносили, а не его.

С радостью я бы смотрел на него –
Униженного,
Презренного,
Осмеянного всеми.

И этот ничтожный
Вздумал со мной тягаться!
Да где ему равняться со мной
В учености, мудрости, красоте, знатности и богатстве?

Слыша, как [люди] повсюду
Превозносят мои достоинства,
Буду я, трепеща от восторга,
Вкушать блаженство.

Если есть у него богатство,
Силой я его отберу.
Если будет он на меня трудиться,
Заработает только на пропитание.

Счастье я у него отниму,
Обрекая его на страдание,
Ибо сотни раз в самсаре
Он причинял мне вред.

В течение неисчислимых калып
Ты, мой ум, помышлял лишь о собственном благополучии.
Но за немислимые усилия
Ты получал лишь страдание.

А потому, молю тебя, без промедлений
Замени себя другими.
Позже ты сам увидишь, что это путь к совершенству,
Ибо слово Мудрого нерушимо.

Если бы раньше ты так поступил,
Никогда не выпала бы тебе эта доля,
Не был бы ты обделен
Блаженством и совершенствами будд.

Поэтому, как считаешь собою
Капли спермы и крови родителей,
Приучи себя
Так же смотреть на других.

Став лазутчиком всех существ,
Укради у этого тела
Всё, что на нем обнаружишь.
Им во благо используй это.

“Я счастлив, а другой несчастен.
Я велик, а другой ничтожен.
Он трудится, а я отдыхаю”.
Так взрасти зависть к себе самому¹⁹⁰.

Откажись от своего счастья
И прими страдания других.
“Почему сейчас совершаю это?” –
Так проверяй, нет ли в тебе изъянов.

Принимай на себя чужую вину.
Если же сам совершишь
Малейший проступок,
Признайся в этом перед Великим Мудрецом¹⁹¹.

Превозноси других,
Пусть в лучах их славы померкнет слава твоя.
Словно нижайший из слуг,
Трудись на благо живущим.

Не позволяй восхвалять достоинства,
Случайно тобой обретенные, ибо ты полон пороков.
Действуй так,
Чтобы никто не узнал о твоих совершенствах.

Одним словом, всякое зло,
Что ты причинял другим ради собственной выгоды,
Пусть обрушится на тебя
Ради блага живых существ.

Не позволяй себе быть
Властным и высокомерным,

Будь скромн, робок и сдержан,
Как молодая жена.

“Так поступай! Таким оставайся!
Этого не совершай!” –
Так одергивай себя.
А ослушаешься, подвергни себя наказанию.

Если же, ум, будешь ты поступать
Вопреки всему сказанному,
Я найду на тебя управу,
Ибо ты – прибежище для всякого зла.

Где сможешь ты укрыться?
Я вижу тебя насквозь
И сумею сбить с тебя спесь.
Миновало время твоих побед.

“И все же буду я помышлять о собственной пользе”,
Эту надежду тебе придется оставить.
Я продал тебя другим,
Так что служи им, не сокрушаясь!

Если по своему легкомыслию
Я не отдам тебя живым существам,
Тогда ты, без сомнения, отдашь меня
Стражам ада.

Много раз ты предавал меня им,
И долгими были мои мучения.
Но теперь, памятуя, как я тогда сокрушался,
Я уничтожу твои своекорыстные помыслы.

Если желаешь счастья,
Ты не должен искать его лишь для себя.
И если хочешь себя защитить,
Постоянно оберегай других.

Чем больше мы заботимся
О собственном теле,
Тем слабей и капризней
Оно становится.

Когда это тело станет щедушным и жалким,
Никто на земле
Не сумеет исполнить его желаний.
Как же сумею я их утолить?

Тот, кто жаждет неисполнимого,
Познает отчаяние и обретает клеши.
Тот же, кто живет без надежд,
Достигает преуспевания во всем.

Поэтому не потворствуй
Растущим желаниям плоти.
Ибо непривязанность к привлекательному –
Лучшее из обретений.

Это тело, нечистое и отвратительное,
Обратится в прах.
Другие понесут его, недвижимое.
Зачем же его ты считаешь собой?

Живо оно или мертво,
Что за польза от этого механизма?
Чем отлично оно от кучи земли?
Почему же ты не прекратишь цепляться за “я”?

Из-за приверженности к телу
Понапрасну приумножаешь свои страдания.
Как можно любить его или ненавидеть:
Ведь оно подобно полену?

Я его опекаю,
Или его поедают грифы, –
Оно не чувствует ни влечения, ни отвращения.
Так почему же я привязан к нему?

Если тело не гневается, когда его унижают,
И не испытывает удовольствия, когда его прославляют,
Ради чего же я так
Себя изнуряю?

Тех, кто любит это тело,
Называют моими друзьями.
Но ведь все любят свои тела,
Отчего же я не люблю других¹⁹²?

И потому, оставив привязанность,
Я отдам свое тело на благо существ.
Хотя у него много изъянов,
Оно необходимо для достижения этой цели.

Итак, довольно уподобляться мирянам!
Памятуя наставления о самоконтроле,
Отбросив сонливость и лень,
Я последую за мудрыми¹⁹³.

Дабы уничтожить омрачения,
Буду я постоянно сосредоточивать ум
На совершенном объекте,
Отвращая его от ложных путей.

Такова восьмая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Парамита медитации”.

Глава девятая ПАРАМИТА МУДРОСТИ¹⁹⁴

Все эти [парамиты]
Изложены Муни для [достижения] мудрости.
И потому да породит мудрость
Желающий устранить страдания.

Относительная и высшая,
Таковы два вида реальности.
Высшая реальность недостижима для разума,
Ибо разум называют относительным.

В этой связи люди делятся на два вида:
Йогинов и обычных людей.
Представления обычных людей
Опровергаются [опытом] йогов.

Из-за различия в степени познания
Высшие йогины опровергают [представления] низших.
Ибо и те, и другие обращаются к одинаковым примерам¹⁹⁵
Независимо от того, что они стремятся доказать.

Воспринимая явления, обычные люди
Считают их реальными, а не подобными иллюзии.
Именно в этом состоит различие
Между йогонами и обычными людьми.

Даже существование объектов чувственного восприятия, например, форм,
Устанавливается на основе общего согласия, а не достоверного познания.
Такое согласие столь же неправомерно (бездоказательно),
Как и общепринятое видение нечистого чистым.

Дабы приблизить обычных людей к пониманию,
Покровитель учил о “вещах”¹⁹⁶
Поистине они [даже] не мгновенны, а если [мгновенны] условно,
То здесь усматривается противоречие”.

В относительной истине йогов нет противоречий,
Ибо по сравнению с обычными людьми они [лучше] познали реальность.
В противном случае, обычные люди могли бы опровергнуть
Убежденность [йогов] в нечистоте женского тела.

“Разве может Победитель, подобный иллюзии, быть источником
Таких же заслуг, как и подлинно существующий Будда?
И если существо подобно иллюзии,
Как умерший снова рождается?”

Даже иллюзия существует до тех пор,
Пока проявляется совокупность условий.
И разве существо существует в действительности

Лишь на том основании, что поток его [сознания] сохраняется долго?

“Если сознание не существует, тогда нет порока
В убийстве иллюзорного человека”.
Поскольку существа обладают иллюзией сознания,
То пороки и заслуги непременно возникнут.

“Возникновение иллюзорного сознания невозможно,
Ибо мантры и заклинания не способны его породить”.
Иллюзии возникают из разнообразных условий,
И потому иллюзии многообразны.

Одна же единственная причина не способна породить всё!
“Если возможно достичь нирваны с абсолютной точки зрения,
А с относительной –
По-прежнему блуждать в самсаре,

Тогда даже Будда остается в круговороте.
Каков же смысл придерживаться пути бодхисаттв?”
Пока не отсечены условия,
Не устранена и иллюзия.

Но если отсечь совокупность условий,
То не может возникнуть даже относительной реальности.
“Но если заблуждений [иллюзорного ума] не существует,
Кем постигается иллюзия?”

Если для тебя иллюзии не существует,
Что же тогда постигать?
Даже если иллюзия – аспект самого ума,
Она обладает иной формой бытия¹⁹⁷.

“Если ум – иллюзия,
Что же тогда и чем воспринимается?”
Покровитель мира сказал:
Ум не может увидеть ум.

Подобно тому, как лезвие меча не может отсечь само себя,
Так и ум [не видит себя].
“Ум освещает самого себя,
Как светильник”.

Светильник не освещает самого себя,
Ибо темнота не может скрыть его.
“Синева синего предмета, в отличие от кристалла,
Не зависит от чего-либо еще.

Итак, некоторые вещи от других зависят,
А некоторые независимы”.
Но, если синева отсутствует,
Каким образом не-синее сможет сделать само себя синим¹⁹⁸?

То, что светильник освещает самого себя,
Постигается посредством познания.
Но кем познается,
Что ум освещает себя самого?

Если никто не может увидеть,
Освещает себя ум или нет,
Тогда обсуждать это столь же бессмысленно,
Как и красоту дочери бесплодной женщины.

“Если не существует само-сознания,
Как тогда возникает воспоминание?”
Воспоминание возникает благодаря связи с другими переживаниями,
Подобно [воспоминанию о] крысином яде¹⁹⁹.

“Ум освещает себя самого,
Ибо ум, наделенный другими условиями²⁰⁰, способен видеть”.
Благодаря применению чудодейственной глазной мази
Можно увидеть [зарытый в землю] горшок, но не саму мазь.

Увиденное, услышанное и познанное умом
Не отвергается нами.
Однако необходимо отбросить измышления
Об их подлинном существовании, ибо в них – источник страданий.

Вы полагаете, что иллюзия не отлична от ума
И в то же время отлична от него.
Но если она реальна, как может она не отличаться [от ума]?
А если она не отлична [от него], как может она существовать?

Хотя иллюзия и не существует в реальности, ее можно видеть.
Так же и со зрящим – умом.
“Самсара имеет опору в реальности,
А иначе она была бы подобна пространству”.

Как может нечто, не существующее реально,
Обрести действительность, найдя опору в реальном?
Ведь ты утверждаешь,
Что ум не связан с реальными объектами и одинок.

Если бы ум не был связан с постигаемым,
Тогда все существа были бы Татхагатами.
Что толку тогда было бы воображать,
Что существует только ум?

“Даже если мы признаем, что все подобно иллюзии,
Разве это избавит нас от клеш?
Ведь страсть к иллюзорной женщине
Может возникнуть даже в сотворившем ее чародее”.

[Такой] чародей не искоренил в себе
Склонность к порождению клеш в отношении объектов зрения.

Поэтому, когда он видит [иллюзорную женщину],
Его склонность к восприятию ее пустоты слаба.

Благодаря возвращению тенденций к восприятию пустоты,
Склонность воспринимать бытие как истинную реальность исчезает.
А вследствие упражнения в мысли: “Ничто не существует”,
Исчезнет и тенденция к восприятию пустоты.

“Если утверждается, что явления не обладают подлинным бытием,
Значит, их невозможно постичь.
Как тогда не-бытие, лишенное опоры,
Может предстать перед умом?”

Пред умом не предстает
Ни бытие, ни не-бытие.
А поскольку нет иной возможности,
Ум, лишенный объектов, достигает глубокого умиротворения.

Как драгоценность и древо, исполняющие желания,
Осуществляют чаяния существ,
Так и Победители приходят в этот мир
Благодаря молитвам ведомых.

Даже многие годы спустя
После смерти заклинателя змей,
Столб, им возведенный и освященный²⁰¹,
Продолжает останавливать действие ядов.

Подобно этому, “столб” тела Победителя,
Возведенный совершенными деяниями бодхисаттвы,
Продолжает исполнять любые задачи
Даже после того, как бодхисаттва ушел в нирвану.

“Как может принести плоды
Почитание того, что лишено сознания?”
Согласно наставлениям, почитание пребывающего [в самсаре]
И ушедшего в нирвану приносит равные плоды.

Согласно писаниям, плод почитания существует,
Будь то с относительной или высшей точки зрения.
[А потому поклонение иллюзорному будде]
Приносит те же плоды, что и почитание подлинно существующего.

“Понимание [Четырех Благородных] Истин приводит к освобождению.
Зачем же постигать пустоту?”
Согласно писаниям, без этого
Невозможно достичь Пробуждения.

“Махаяна не является подлинным [учением]”.
Каким же образом ты обосновываешь подлинность своих текстов?
“Их подлинность признана нами обоими”.
Значит, первоначально они не были подлинными и для тебя!

Те основания, согласно которым ты доверяешь своей традиции,
Можно применить и к Махаяне.

[К тому же,] если [учение] считается подлинным лишь на том основании, что оно признано двумя сторонами,

Тогда Веды и подобные [учения]²⁰² также будут подлинными.

Если ты утверждаешь, что Махаяна [не является подлинной, поскольку] содержит противоречия,

Тогда отвергни писания своей традиции.

Ведь они оспариваются иноверцами,

А отдельные части – и его последователями, и противниками²⁰³.

Если вы считаете Словом Будды

Все изречения, которые согласуются с сутрами,

Тогда почему вы не почитаете махаяну,

Которая во многом подобна вашим сутрам?

Вы называете весь [махаянский канон] ущербным

На том основании, что одна из [его] частей неприемлема.

Почему бы тогда не считать [весь канон] Словом Будды

На том основании, что одна из его частей подобна сутрам?

И разве мыслимо не принимать учения,

Глубины которых не могут постичь даже такие, как Махакашьяпа,

Лишь потому, что тебе не под силу

Понять их?

Наставления суть корень монашества,

Но трудно быть истинным монахом.

И тем умам, что находят опору в относительной реальности,

Трудно достичь нирваны.

Ты говоришь, что освобождение достигается вследствие искоренения клеш.

Но тогда оно должно наступать немедленно после этого.

Однако очевидно, что сила кармы распространяется и на тех²⁰⁴,

Кто свободен от клеш.

Достоверно известно, что, если нет жажды,

Нет и привязанности к цепи перерождений.

Но разве не может жажда²⁰⁵, подобно неведению,

Существовать [в уме], лишенном клеш?

Жажда берет начало в ощущении,

А ощущения у них, безусловно, есть.

Ум, у которого есть объекты,

Будет цепляться за то или другое²⁰⁶.

Ум, не осознавший пустоту,

Сначала находится в связанном состоянии, а затем снова проявляется,

Как это происходит в случае бессознательного самадхи.

Поэтому необходимо созерцать пустоту.

[Способность бодхисаттвы] оставаться в самсаре ради тех,
Кто страдает из-за омраченности,
Достигается благодаря освобождению от привязанности и страха.
Таков плод реализации пустоты.

Таким образом, нет основания
Для опровержения [учения] о пустоте.
И потому, не ведая опасений,
Должно созерцать пустоту.

Пустота – средство против омрачений, [вызванных]
Завесами из клеш и познаваемого.
Как же могут те, кто желает быстро достичь всеведения,
Отказаться от созерцания пустоты?

Стоит бояться того,
Что приносит страдания.
Пустота успокаивает страдания,
К чему же ее бояться?

Если бы существовало некое реальное “я”,
Тогда что угодно могло бы служить источником страха.
Но, если “я” не существует,
Кто же будет испытывать страх?

Зубы, волосы, ногти – это не “я”.
“Я” – это не кости и не кровь,
Не слизь и не мокрота,
Не гной и не лимфа.

“Я” – это не сало и не пот,
Не жир и не внутренности.
Полости внутренних органов – это не “я”.
“Я” – это не моча и не экскременты.

Плоть и сухожилия – это не “я”.
“Я” – это не [телесное] тепло и не ветер.
Отверстия тела – это не “я”,
И шесть видов сознания никак не могут быть приняты за “я”.

Если бы “я” было осознанием звука,
Тогда бы звук воспринимался постоянно.
Но, если объект осознания отсутствует, что [оно] познает?
И разве можно тогда называть это осознанием?

Если бы то, что не познает, было осознанием,
Тогда им могло бы быть и полено.
Таким образом, очевидно,
Что без объекта не существует осознания.

Почему то, что воспринимает зрительные образы,

Не может также и слышать их?

“Раз звук отсутствует,
Нет и его осознания”.

Как может то, что обладает природой восприятия звука,
Воспринимать зрительные образы?

“Один и тот же человек может считаться и отцом, и сыном”.

Но это не соответствует действительности,

Поскольку саттва, раджас и тамас

Не являются ни отцом, ни сыном.

Более того, природа [восприятия зрительных образов]

Не связана с постижением звука.

Если это [осознание] принимает разные обличья, подобно актеру,

То оно непостоянно.

Если же [оно едино, но] ему присущи разные состояния,

То это неслыханное единство.

Если эти обличья не истинны,

Тогда опиши его истинную природу.

Если это природа осознания,

Тогда все индивидуумы одинаковы.

[В этом случае сущность,] обладающая сознанием,

И [сущность] лишенная его,

Не отличны друг от друга, ибо их бытие одинаково.

Если различие не истинно, на чем основывается сходство?

[Сущность], лишенная сознания, не является “я”,

Ибо в ней нет сознания, как в куске ткани и тому подобном²⁰⁷.

Если бы [лишенное сознания] “я” могло осознавать вследствие обладания
[отдельным] сознанием,

Тогда, перестав осознавать что-либо, оно бы уничтожалось.

Если атман не подвержен изменениям,

Что толку в его сознании?

В этом случае даже пространство, бездеятельное и лишенное сознания,

Может обладать природой атмана.

“Если атмана не существует,

Невозможна связь между деянием и его результатом.

Ибо, если деятель перестанет существовать,

Кто обретет плод [деяния]?”

Мы оба согласны,

Что деяния и плод имеют разные основы

И что атман не влияет на это.

Зачем же тогда это обсуждать?

Невозможно увидеть

Причину, связанную с результатом.

И только в контексте единого потока сознания
Можно сказать, что деятель позднее обретет плод [деяния].

Мысли прошлого и будущего – это не “я”,
Поскольку они не существуют в данный момент.
Если бы мысли настоящего являлись “я”,
Тогда после их исчезновения “я” переставало бы существовать.

Подобно тому, как ствол бананового дерева
Превращается в ничто, если его разрубить на части,
Так и “я” оказывается несуществующим,
Если его подвергнуть анализу.

“Если нет живых существ,
К кому тогда [мы должны развивать] сострадание?”
К тем, кого в силу заблуждения мы наделяем существованием,
Что допустимо для достижения цели [– буддовости].

“Если нет живых существ, кто же [стремится] к цели?”
Верно, устремление также коренится в заблуждении.
Тем не менее, ради искоренения страдания
Заблуждение в отношении цели не отвергается.

Однако цепляние за “я”, являющееся причиной страдания,
Увеличивается из-за заблуждения в отношении “я”.
Если такой результат неизбежен,
Тогда лучше созерцать бессамость.

Тело – это не ступни и не голени.
Бедра и ягодицы – это не тело.
Живот и спина – это не тело.
Грудь и руки также не являются телом.

Тело – это не ладони и не бока.
Подмышечные впадины и плечи – это не тело.
Шея и голова – это также не тело.
Так что же тогда тело?

Если тело существует в пространстве,
Занимаемом его членами,
А члены – в пространстве, занимаемом их частями,
Где же тогда тело само по себе?

Если бы тело целиком
Находилось в руках и других членах,
Тогда было бы столько же тел,
Сколько рук и так далее.

Тело не существует ни внутри, ни снаружи [его частей].
Как же может оно находиться в руках и других членах?
Оно [также] не существует вне рук и других органов.
Так где же его отыскать?

Таким образом, тела не существует.
Однако из-за заблуждения возникает образ тела в силу их особой конфигурации, –
Подобно тому, как возникает образ человека при взгляде на столб.

До тех пор, пока присутствует собрание условий,
Тело представляется человеком.
Подобно этому, пока присутствуют руки и прочее,
Именно в них мы видим тело.

Подобным образом, ступни также не существует,
Ибо она – всего лишь собрание пальцев²⁰⁸.
Это же верно и для пальца, ибо он – всего лишь собрание суставов,
И для сустава, ибо он также состоит из частей.

Но и части можно поделить на атомы,
А сам атом можно разделить на фрагменты по направлениям.
Этот фрагмент – пустое пространство, поскольку он не имеет частей.
Следовательно, атома не существует²⁰⁹.

И разве мыслящий человек
Станет привязываться к телу, подобному сновидению?
Если тела не существует,
То что такое женщина и что мужчина?

Если страдание обладает подлинным бытием,
Почему же оно не мучает пребывающих в радости?
И если вкусные яства – это источник [подлинно существующего] удовольствия,
Почему же они не радуют тех, кто убит горем?

Если ощущение не испытывается,
Так как подавляется чем-то более сильным,
Как тогда нечто, не обладающее природой ощущения,
Может являться ощущением?

“Страдание продолжает существовать в тонкой форме,
А его проявленное состояние подавлено”.
Если эта [тонкая форма страдания] – удовольствие,
Тогда она является тонкой формой удовольствия, [а не страдания].

Если страдание не возникает
При наличии условий для противоположного,
Не следует ли из этого, что такое “ощущение” –
Ни что иное, как измышление?

Таким образом, подобный анализ
Является противоядием против ложных концепций.
Ибо пища йогина – концентрация,
Вырастающая на поле размышления.

Если объекты и органы чувств отделены друг от друга.
Разве возможен контакт между ними?

А если нет пространства, значит, они – единое целое.
Что и с чем тогда будет контактировать?

Один атом не может проникнуть в другой,
Потому что они равны по размеру и лишены свободного пространства.
Если нет проникновения, то нет и слияния.
А если нет слияния, то нет и контакта.

Разве возможен контакт с тем,
Что не имеет частей?
А если возможен контакт с бесчастным,
Продемонстрируй это.

Поскольку сознание бестелесно,
Оно не может вступить в контакт.
И собрание [элементов] также не способно вступить в контакт,
Ибо не обладает подлинным бытием, как было показано ранее.

А если нет контакта,
Как может возникнуть ощущение?
К чему же тогда изнурять себя?
Кто и кому может причинить страдание?

И если нет ощущающего,
И если самого ощущения также не существует,
Почему же, увидев это,
Ты не оставишь жажду?

Видимое и осязаемое
Обладают природой сновидения и наваждения.
Если ощущение возникает одновременно с сознанием,
Как оно может восприниматься им?

Возникшее раньше может вспомнить возникшее позже,
Но не ощутить его.
[Ощущение] не может переживать само себя,
И не может испытываться чем-либо другим.

Ощущающего не существует.
Значит, в действительности, нет и ощущения.
Кому же тогда может принести ущерб
Эта совокупность, лишенная “я”?

Ум не пребывает ни в органах чувств,
Ни в формах и других объектах чувств, ни между ними.
Ума также не обнаружить ни внутри, ни снаружи [тела],
Ни в иных местах.

[Ум], не пребывающий ни в теле, ни в иных местах,
Не смешанный с телом и не отделенный от него,
Не может существовать.
Следовательно, существа по своей природе свободны.

Если знание возникает раньше познаваемого,
На что оно опирается при возникновении?
Если знание возникает одновременно с познаваемым,
На что оно опирается при возникновении?

Если знание возникает позже познаваемого,
Откуда оно возникает?
Таким образом утверждается,
Что ни одно из явлений не может возникнуть.

Если относительной истины не существует,
Тогда откуда две истины?
Если же она существует в силу другой относительной истины,
Как тогда существа могут достичь нирваны?”

[Относительная истина] – измышление иного ума.
Существо не опирается на свою собственную относительную истину.
Если нечто установлено, оно существует.
Если же нет, оно не существует, в том числе и как относительная истина.

Воображение и воображаемое,
Эти две вещи взаимосвязаны.
Любое критическое исследование
Опирается на общепризнанное.

“Но если критическое исследование
Становится объектом другого анализа,
Который, в свою очередь, также можно проанализировать,
То это бесконечный процесс”.

Если объект критического исследования проанализировать,
Основы для анализа не останутся.
А поскольку не будет основы, то и анализа не возникнет.
Это и именуется нирваной.

Тот, кто утверждает, что эти два²¹⁰ – подлинно существующие,
Тот оказывается в крайне скверном положении.
Если познаваемое существует в силу познания,
Как тогда устанавливается подлинное бытие познания?

Если познание существует в силу познаваемого,
Как тогда устанавливается подлинное бытие познаваемого?
Если они взаимно обуславливают друг друга,
То ни одно из них не обладает подлинным бытием.

“Если без сына нет отца,
Как же может возникнуть сын?”
Как при отсутствии сына нет и отца,
Так же и эти два²¹¹ не обладают [подлинным] существованием.

“Росток возникает из семени.

Именно росток указывает на наличие семени.
Почему же познание, возникающие из познаваемого,
Не может указывать на подлинное бытие познаваемого?”

Существование семени устанавливается
С помощью познания, а не ростка.
Каким образом познается существование познания,
Если истинность познаваемого устанавливается с помощью этого познания?

Мирские люди видят все причины
Посредством прямого восприятия,
Поскольку части лотоса, например стебель и прочее,
Возникают из разнообразия причин.

“Откуда возникает многообразие причин?”
Из многообразия предшествующих причин.
“Как может причина порождать плод?”
В силу предшествующих причин.

“Ишвара – причина мира”.
Тогда объясни, кто такой Ишвара.
Если он – это элементы,
К чему тогда изнурять себя всего лишь из-за иного имени?

Более того, земля и другие элементы множественны.
Они не вечны, лишены творческой силы и божественной природы.
На них можно наступать ногами, и они не чисты.
[Таким образом], они не являются Ишварой.

Ишвара не является пространством, ибо оно не обладает творческой силой.
Он не является атманом, ибо это уже было отвергнуто ранее.
Как можно описать непостижимое творчество
Непостижимого Ишвары?

Что он намеревается создать?
Если [он собирается создать] атман,
То разве атман, земля и другие элементы, а также Ишвара не вечны?
Познание возникает из познаваемого и не имеет начала.

Удовольствие и страдание суть плоды деяний.
Скажи тогда, что же он сотворил?
Если причина безначальна,
Как может иметь начало ее плод?

Если он не зависит ни от чего иного,
Почему он не творит непрерывно?
А если все сотворено им,
От чего же он может зависеть?

Если он зависит от собрания условий,
Тогда он не является первопричиной.
Он не может не творить, когда присутствуют эти условия,

И не может творить в их отсутствие.

Если Ишвара творит против своей воли,
Значит, он зависит от чего-то иного.
А если он творит по желанию, значит, он зависит от желания.
Разве такой творец всемогущ?

Утверждения о постоянстве атомов
Уже были отвергнуты ранее.
Последователи школы Санкхья считают,
Что праматерия – это вечная причина мира.

Гуны – саттва, раджас и тамас,
Находящиеся в равновесии,
Именуются праматерией.
Говорят, мир возникает из нарушения этого равновесия.

Нелогично [утверждать], что единое обладает тремя природами,
Поэтому праматерии не существует.
Также не существует и гун,
Ибо каждая из них должна состоять из трех составляющих.

Если нет гун,
То существование звуков и других объектов далеко от истины!
Также невозможно найти удовольствие
В неодушевленном, например тканях.

Ты говоришь, что эти вещи обладают природой причины.
Но разве мы не исследовали их ранее?
Для тебя причиной является удовольствие и другие ощущения,
Но ткань не является следствием этой причины.

[Скорее,] ткань является источником удовольствия и других ощущений,
Но ткани не существует, а следовательно, и удовольствия.
Невозможно доказать, что удовольствие и другие ощущения
Обладают постоянством.

Если удовольствие подлинно существует,
Почему оно не ощущается постоянно?
Если вы говорите, что оно становится тонким,
То как оно может быть то грубым, то тонким?

“Оно становится тонким, когда оставляет грубое состояние.
Его грубая и тонкая формы не постоянны”.
Почему же подобным образом
Вы не считаете все явления непостоянными?

Если грубая форма – удовольствие.
Тогда непостоянство удовольствия очевидно.
Если ты думаешь, что несуществующее не проявляется,
Поскольку вообще не существует,

Значит, ты вопреки своему желанию утверждаешь,
Что проявленное прежде не существовало.
Если ты считаешь, что следствие содержится в причине,
Тогда [люди] ели бы экскременты вместо пищи,

А также покупали бы семя хлопка по цене ткани
И носили его вместо одеяния.
Ты утверждаешь, что мирские люди не понимают этого из-за омрачения.
Но, поскольку этому учат знающие истину,

Значит, мирские люди обладают этим знанием.
Почему же они не понимают этого?
Если ты утверждаешь, что познание мирян недостоверно,
Значит, их восприятие проявленного неистинно.

“Если их познание не является достоверным,
Не значит ли это, что все, познанное с его помощью, ложно?
Таким образом, созерцание пустоты
Утрачивает всякий смысл”.

Без познания воображаемых явлений
Невозможно постичь и их небытие.
Поэтому, если явление ложно,
Его небытие также ложно.

Так, когда в сновидении умирает сын,
Мысль: “Он не существует”
Препятствует возникновению мысли о его существовании.
А при этом обе мысли одинаково ложны.

Поэтому, как следует из анализа,
Ничто не существует без причины
И не содержится ни в отдельных условиях,
Ни в их совокупности.

Ничто не приходит из другого места,
Ничто не пребывает, и ничто не уходит.
В чем же разница между иллюзией
И тем, что глупцы считают реальностью?

Порождаемое иллюзией
И порождаемое причиной,
Откуда приходит и куда уходит?
Исследуй это.

Разве может искусственное [явление], подобное отражению в зеркале,
Обладать подлинным бытием,
Если оно существует только в тесной связи с другими условиями
И исчезает при их отсутствии?

Разве нужна причина тому,
Что и так существует?

А если нечто не существует,
Разве нужна причина?

Даже посредством миллионов причин
Небытие изменить невозможно.
Разве может нечто, [находящееся] в этом состоянии, стать существующим?
А что еще может возникнуть?

Нет бытия во время небытия.
Когда же бытие возникает?
Ведь небытие не исчезнет до тех пор,
Пока не появится бытие.

Пока небытие не исчезнет,
Нет возможности для появления бытия.
Бытие не может стать небытием,
Поскольку это означало бы, что у него две природы.

Таким образом, не существует
Ни возникновения, ни исчезновения.
Поэтому весь этот мир
Не возникает и не исчезает.

Формы бытия подобны сновидениям.
Если их исследовать, они тождественны банановому дереву.
Поистине нет разницы
Между достигшими нирваны и не достигшими ее.

Если все явления пусты,
Что можно обрести или потерять?
Кто и кого станет почитать?
Кто и кого станет презирать?

Откуда берутся удовольствие и страдание?
Что приятно, а что неприятно?
Когда ищешь истинную природу,
Что такое жажда и жажда чего?

При размышлении о мире живущих
[Задаешься вопросом –] кто умирает?
Кто рождается? Кто существует?
Кто чей родственник и кто чей друг?

Пусть все вслед за мною постигнут,
Что все подобно пространству!
Ибо они гневаются из-за раздоров
И радуются в праздники.

В поисках счастья
Они творят дурное,
Живут в несчастьи, тоске и отчаянии,
Режут и колют друг друга.

И хотя многократно приходят они в благие миры,
Где вкушают наслаждения снова и снова,
После смерти они попадают в дурные миры,
Где познают нескончаемые жестокие муки.

Многие бездны заключает в себе самсара,
И нет в ней [абсолютной] истины.
[Самсара] полна противоречий,
В ней нет места подлинной реальности.

Там есть океаны свирепых,
Ни с чем не сравнимых бесконечных страданий.
Там силы малы,
А жизнь так быстротечна.

Там в делах ради здоровья и долгой жизни,
В голоде, усталости и изнурении,
В сне и несчастьях,
В бесплодном общении с глупцами

Жизнь пролетает стремительно и без пользы,
А истинное понимание нелегко обрести.
Как же избавиться
От привычных отвлечений [ума]?

К тому же там Мара усердствует,
Дабы низвергнуть [сущест] в дурные миры.
Там много ложных путей,
А сомнение нелегко превозмочь.

Трудно снова обрести благоприятное [человеческое рождение].
А явление Будды – большая редкость.
Трудно воздвигнуть преграду на пути реки клеш.
Увы, непрерывен поток страданий.

Достойны сожаления существа,
Увлекаемые [этим] потоком страданий.
Ибо, перенося великие зоключения,
Своих страданий они не в силах постичь.

[Там] некоторые аскеты многократно омывают себя водой,
А затем снова и снова вступают в огонь.
Они почитают себя счастливыми,
Хотя их страдания поистине велики.

Так существа и живут,
Будто не уготованы им старость и смерть.
Ужасные бедствия обрушиваются на их плечи,
И смерть – величайшее из них.

Когда же сумею я принести отдохновение

Существом, истязаемым огнем страданий?
[Когда затушу его] счастливым дождем,
Пролившимся из облаков моей заслуги?

Когда, накопив собрание заслуг
И не цепляясь за относительное,
Сумею я открыть истину о пустоте
Тем, чьи ложные взгляды основаны на относительном?

Такова девятая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Парамита мудрости”.

Глава десятая ПОСВЯЩЕНИЕ [ЗАСЛУГ]²¹²

Силою добродетели, [накопленной] мною
При сочинении “Бодхичарья-аватары”,
Пусть все живущие ступят
На путь к Пробуждению.

Пусть силой моей заслуги
Существа всех сторон света,
Страдающие умом и телом,
Обретут океан счастья и радости.

Покуда они пребывают в самсаре,
Пусть не иссякнет их счастье.
Пусть весь мир обретет
Вечную радость бодхисаттв.

Пусть все существа,
Томящиеся во всевозможных адах,
Какие только есть в сферах пространства,
Вкусят блаженство Сукхавати.

Пусть согреются ослабевшие от холода.
Пусть истомленные зноем найдут прохладу
В бесконечных потоках, струящихся
Из великих облаков бодхисаттв.

Пусть чаща деревьев с мечами-листьями
Станет рощей красот и наслаждений.
И пусть деревья шалмали²¹³
Обратятся в деревья, исполняющие желания.

Пусть адские миры станут странами радости
С благоуханными лотосовыми озерами,
Где слышны изумительные призывные крики
Диких уток, гусей, лебедей и чакравак²¹⁴.

Пусть груды тлеющих углей превратятся в россыпи самоцветов.
Пусть раскаленная твердь станет полом из гладкого хрусталя.
Пусть горы давящего ада превратятся
В храмы небесной красоты для поклонения Сугатам.

Пусть дожди пылающих углей, лавы и оружия
Станут цветочными ливнями.
И пусть все сражения превратятся
В веселый обмен цветами.

Пусть силой моей заслуги
Те, кого захлестнули жгучие, как огонь, воды реки Вайтарани
И чьи кости белые, словно цветок жасмина,
Проступили сквозь лохмотья кожи, в реке Мандакини²¹⁵.

“Чего испугались слуги Ямы – ужасные грифы и вороны?
Какая благородная сила принесла нам блаженство и развеяла тьму?”
Взглянув ввысь, существа видят на небосводе лучезарную форму Ваджрапани!
Да освободятся они от зла силой своей радости и уйдут вместе с ним!

Когда узники ада увидят, как дождь лотосов, окропленных благоуханными водами,
Затушит огненную лаву ада,
“О, что это?” – воскликнут они, возрадовавшись.
Пусть [в тот же миг] узрят они Падмапани.

Друзья, спешите сюда! Отбросьте страх! Мы спасены!
С нами блистательный царевич в монашеских одеяниях²¹⁶, дарующий бесстрашие.
Его силою все страдания уничтожаются, источаются потоки блаженства,
Зарождается бодхичитта, а также сострадание – основа спасения живущих.

“Взгляни на него! Короны сотни богов поднесены к его лотосовым стопам,
Очи его влажны от сострадания.
Всевозможные цветы дождем ниспадают ему на плечи,
Он пребывает в чудесном дворце, где тысячи богинь поют ему гимны”.
Пусть мученики ада вскричат от радости, узрев пред собой Манджугхошу.

В силу моих заслуг
Пусть мученики ада возрадуются, узрев облака бодхисаттв
Во главе с Самантабхадрой,
Приносящие прохладный благоуханный дождь и ветерок.

Пусть улягутся страхи
И успокоятся тяжелые страдания мучеников ада.
Пусть все обитатели низших миров
Избавятся от своей скорбной участи²¹⁷.

Пусть животные освободятся от страха
Погибнуть от когтей и клыков своих собратьев.
Пусть голодные духи будут так же счастливы,
Как люди континента Уттаракуру.

Пусть голодные духи насытятся
Из молочного потока, стекающего с ладони
Благородного Авалокитешвары,
И, омываясь в нем, пусть наслаждаются прохладой.

Пусть прозреет незрячий,
Пусть глухой обретет слух.
И пусть, как Маядеви,
Беременные рожают без боли.

Пусть все существа обретут всё,
Что полезно и желанно душе:
Одежду, еду, напитки, цветочные гирлянды,
Сандаловый бальзам и украшения²¹⁸.

Пусть объятые страхом обретут бесстрашие,
А скорбящие – радость.
Пусть встревоженные познают успокоение
И преисполнятся решимости²¹⁹.

Пусть больные обретут здоровье.
Пусть они освободятся от всяких пут.
Пусть немощные обретут силу,
И пусть все будут добры друг к другу²²⁰.

Пусть повсюду
Гостеприимно встречают путников.
Пусть достигнут они
Целей своих путешествий²²¹.

Пусть обретут желаемое
Те, кто отправляется в плавание на кораблях и лодках.
Пусть будет благополучным их возвращение на берег
И радостной – встреча с родными.

Пусть те, кто сбился с дороги в страшном лесу,
Повстречают надежных попутчиков;
Пусть идут они, не зная усталости,
Не страшась тигров и разбойников.

Пусть хранят божества
Тех, кто очутился в джунглях и других опасных местах;
Детей, стариков и беззащитных,
Спящих и душевнобольных.

Пусть все существа избегнут дурных уделов.
Пусть будут они наделены верой, мудростью и состраданием.
Пусть будет совершенной их внешность и безупречным – поведение,
И пусть всегда они помнят о прошлых жизнях²²².

Пусть они уподобятся Гаганагандже,
Неистошимой Сокровищнице Небес.

Не зная раздоров и раздражения,
Пусть будут они независимы²²³.

Пусть те, в ком мало блеска,
Достигнут величия.
Пусть те, чьи уродливые тела измождены аскезой,
Обретут совершенную красоту.

Пусть все женщины мира
Переродятся мужчинами.
Пусть низшие достигнут высот,
Но не ведают высокомерия.

Силой моей заслуги
Пусть все существа без исключения
Откажутся от пагубного
И всегда совершают благое.

Пусть никогда не оставят они бодхичитту,
И неуклонно следуют путем бодхисаттв.
Пусть всегда будут они под покровительством будд
И не поддаются уловкам Мары.

Пусть будет неизмеримо долгою
Жизнь всех существ.
Да будут они всегда пребывать в блаженстве,
И пусть исчезнет даже слово “смерть”!

Пусть по всем сторонам света в изобилии произрастают
Сады исполняющих желания деревьев,
Где пребывают будды и их сыновья
И звучат чарующие звуки Дхармы²²⁴.

Пусть повсюду земля будет гладкой,
Без камней и гальки,
Ровной, как ладонь руки,
И подобной ляпис-лазури.

Пусть повсюду восседают
Великие собрания бодхисаттв,
Украшая эту землю
Своим [блистательным] совершенством.

Пусть все существа
Непрерывно слышат звуки Дхармы,
Исходящие от птиц, от каждого дерева,
Солнечных лучей и неба.

Пусть они постоянно встречаются
С буддами и их сыновьями
И почитают Учителя Мира
Бесчисленными облаками подношений.

Пусть божество ниспошлет дожди в нужное время,
И пусть обильными будут урожаи.
Пусть процветают народы,
И пусть праведным будет правитель.

Пусть действенными будут лекарства,
А повторение мантр – успешным.
Пусть преисполнятся состраданием
Дакини, ракшасы и прочие.

Пусть ни одно существо не страдает,
Не совершает пагубного, не болеет,
Пусть никто не знает уныния,
Презрения²²⁵ и унижений.

Пусть процветают монастыри,
И пусть непрерывным будет чтение и изучение текстов.
Пусть Сангха всегда пребывает в согласии,
И дела ее будут успешными.

Пусть монахи, стремящиеся осуществить Учение,
Отыщут места уединения.
Пусть их ум, послушный и свободный от отвлечений,
Достигнет сосредоточения.

Пусть монахини не знают ни в чем нужды,
Пусть оставят вражду и будут невинны.
И пусть безупречной будет нравственность
Принявших монашество.

Пусть те, кто не соблюдает нравственную дисциплину,
Преисполнятся сожаления и вознамерятся избавиться от пороков.
Пусть достигнут они перерождения в высших мирах
И там не нарушают обетов.

Пусть мудрые и ученые
Всегда получают пищу и подаяния²²⁶.
Пусть ясным будет их сознание,
И пусть знают о них во всех сторонах света.

Пусть без изнурительных усилий
Весь мир достигнет состояния будды
В едином небесном воплощении,
Минуя мучительные перерождения в низших мирах²²⁷.

Пусть все существа
Поклоняются Сугатам многообразными способами.
Пусть беспрестанно переполняет их
Несказанное блаженство будд.

Пусть исполнится желание бодхисаттв

Принести благо этому миру.
И пусть осуществится все то,
Что Покровители замыслили для живущих.

Пусть познают счастье
Шраваки и пратьекабудды.
Пусть всегда почитают их
Боги, асуры и люди²²⁸.

Пусть, милостью Манджугхоши,
В каждой жизни я буду принимать обеты
И помнить свои прошлые перерождения,
Покуда не достигну Уровня Радости.

Каким бы ни было мое положение,
Пусть буду я всегда наделен силой²²⁹.
И пусть в каждом перерождении
Я сумею найти благоприятное место для уединения.

Если я пожелаю увидеть что-либо
Или задать вопрос,
Пусть безо всяких помех я узрю
Покровителя Манджунантху²³⁰.

Пусть во всех делах
Стану я поступать, как Манджушри,
Приносящий благо
Существам десяти сторон света.

Покуда существует пространство
И покуда живущие пребывают в нем,
Пусть и я буду жить,
Избавляя мир от страданий.

Пусть во мне созревают
Страдания всех живущих.
И пусть чистые деяния бодхисаттв
Принесут счастье миру²³¹.

Пусть долго живет Учение
В окружении богатства и почитания.
Ибо оно – единственное лекарство от страданий мира
И источник всякой радости и благоденствия.

Я склоняюсь пред Манджугхошей,
Ибо по его милости [мой] ум устремляется к благому.
Я прославляю своего духовного друга,
Ибо по его милости я совершенствуюсь.

Такова десятая глава “Бодхичарья-аватары”, именуемая “Посвящение заслуг”.

Перевод Ю. Жиронкиной

¹ Эту строку можно объяснить следующим образом: «Поскольку мои способности не велики, я не помышляю: «Этот [труд] может принести пользу другим [существам]» См.: Bodhicaryavatara of Santideva with the Commentary of Panjika of Prajnakaramati. Edited by P. L. Vaidya. Buddhist Sanskrit Texts, No 12. Darbhanga: The Mithila Institute of Post-Graduate Studies and Research in Sanskrit Learning. (Далее Panjika).

² Тиб.: Dal.'byor. Совершенные условия существования в человеческом теле, при которых существо избегает восьми крайне неблагоприятных уровней существования и обретает десять благ, способствующих духовной жизни. Восемь неблагоприятных уровней существования: (1) рождение в одном из адв, (2) рождение в мире голодных духов, (3) рождение в мире животных, (4) рождение в мире богов-должителей, (5) рождение среди дикарей в странах, где Дхарма неизвестна; (6) рождение приверженцем ложных воззрений о карме и т.д., (7) рождение в эпоху тьмы, когда не появляется ни один Будда, (8) рождение физически или ментально неполноценным человеком. Десять благ подразделяются на пять субъективных и пять объективных. Пять субъективных благ: (1) обретение человеческого тела, (2) рождение в стране, где Дхарма известна, (3) обладание полноценными органами чувств, (4) кармическая способность избегать совершения тяжких злодеяний, (5) вера в Дхарму. Пять объективных благ: (1) приход Будды, (2) преподавание святой Дхармы, (3) процветание, а не увядание Дхармы, (4) приобщение последователей к Дхарме, (5) доброжелательное отношение к монахам и практикующим (см.: Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности. С-Пб.: «ОРИС», 1993. С. 83-85; Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. С-Пб.: «Нартанг», 1994. Т. 2, С. 129-145; Je' Gampopa. Gems of Dharma, Jewels of Freedom, transl. Ken and Katia Holmes, Altea Publishing, 1995. p. 14-26).

³ По представлениям алхимиков, эликсир, способный обращать металлы в золото.

⁴ Тибетское слово chu shing («водяное дерево») означает полое растение, которое погибает сразу после плодоношения. Этот термин часто переводится как банан или банановое растение, однако полного соответствия нет.

⁵ Наставления, данные Буддой Майтреей Бодхисаттве Судхане, изложены в Гандавьюха-сутре – заключительной части Аватамщак-сутры. В ходе своих поисков Судхана встречает духовных друзей, в том числе Майтрею, который является буддой грядущего и воплощением духовной дружбы. Майтрея подробно описывает Судхане неизмеримые качества бодхичитты: «О благородный Сын, бодхичитта подобна семени, [из которого прорастают] достоинства всех будд. Она подобна полю, ибо приумножает благие качества всех существ. Она подобна земле, ибо служит опорой всем и вся. Она подобна божеству изобилия, ибо полностью избавляет существ от нищеты. Она подобна отцу, ибо надежно защищает всех бодхисаттв. Она подобна Царю среди исполняющих желания драгоценностей, ибо способствует достижению любых целей. Она подобна благому сосуду, ибо помогает исполнению любых начинаний. ... О Благородный Сын, эти превосходные добродетели украшают бодхичитту, а также несметное число иных достоинств». [Цитата из Гандавьюха-сутры, приведенная в труде: Thog-me Zang-po. The Ocean of Good Explanation, a Commentary to (Shantideva's) Guide to the Bodhisattva's Way of Life (Byang.chub sems.dpa'i spyod.pa.la 'jug.pa'i 'grel.pa (legs.parbshad.pa'irgya.mtsho)). Samath, 1974. С. 16. (Далее «Thog.»)] Подробнее о Гандавьюха-сутре см.: D. T. Suzuki. Essays in Zen Buddhism (Third Series). Rider, 1973.]

⁶ Согласно Panjika, с. 11, вдохновенная бодхичитта (санскр. pranidhi-citta) представляет собой состояние ума, взрастившего в себе устремление, но не занятого практикой щедрости и других парамит. Примером может служить первая мысль, выраженная в форме молитвы: «Да стану я буддой, дабы защитить весь мир». Деятельная бодхичитта представляет собой состояние ума, занятого исполнением деяний, ведущих к накоплению заслуги (санскр. puṇya) и знания (санскр. jñāna).

⁷ Субахупарипричха-сутра является каноническим произведением из собрания махаянских сутр Ратнакута. «Если человек развил в себе упорное стремление принести счастье и пользу несметному числу существ, тогда бесконечные добродетельные корни этого великого замысла, заставляющего человека помнить о счастье и благоденствии всех живущих, станут расти, множиться и устремляться к [его] осуществлению ежесекундно, днём и ночью, даже когда несознательность или сон овладевают умом его». (Thog. С. 18).

⁸ Согласно Panjika, с. 14, под «божествами» понимаются ведические боги – Сома, Варуна и другие, под «провидцами» – индуистские мудрецы Васиштха, Гаутама и другие, а под «Брахмой» – создатель мира в соответствии с индуистской концепцией сотворения Вселенной.

⁹ Прасантвинишчяпратихарья-сутра: «О Манджушри, ибо сколько гневных или презрительных помыслов затаит один бодхисаттва против другого, столько же кальп пребудет он в аду. И потому облекись в доспехи». (Thog. С. 22).

¹⁰ Тиб.: «Если великая сила направлена против Сыновей Победителей, они [на зло] не отвечают злом, напротив, их добродетели возрастают».

¹¹ Санскр. paradēsaṇa. Варианты перевода – осознание сотворенного зла; покаяние. Размышления о сотворенном зле описываются, начиная со стиха 27. Они предваряются традиционными подношениями и поклонением буддам и бодхисаттвам.

¹² Тиб.: «Небесные деревья в цвету» (l'jong.shing – небесное дерево, растущее в Чистой Стране Девачен).

¹³ Санскр. Kalpavrkṣa. Согласно буддийской космологии, к югу от горы Меру произрастает роща исполняющих желания деревьев, с ветвей которых дождем сыплются все желанные вещи (см.: Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности.).

¹⁴ Санскр.: «Всего себя я подношу Победителям и их Сыновьям».

¹⁵ Тиб.: «Я омываю Татхагат и их Сыновей из множества драгоценных сосудов, полных вод душистых и пленительных».

¹⁶ Аджита, букв. «Непобежденный» – одно из имен Майтреи, оно опущено в тибетском переводе. Локешвара, букв. «Владыка мира» – одно из имен Авалокитешвары.

¹⁷ Тиб.: «... сотнями прекрасных драгоценностей».

¹⁸ Согласно Раңјика, с. 26, мандарава – это цветок, произрастающий в мире богов.

¹⁹ Голубой лотос.

²⁰ Согласно Раңјика, с. 28, «Лучшие среди Покровителей Мира – Манджугхоса, Самантабhadра и Аджита. Это Бодхисаттвы, достигшие десятого уровня». В одной из своих жизней Манджушри, воплотившись в образе царя Амбараджи, пожелал, чтобы все его царство и вся его жизнь стали источником неисчислимых подношений буддам, и призывал своих подданных последовать его примеру. Эта история описывается в Манджушрибуддакшетрагунавьях-сутре (см.: Chang, G. C. A Treasury of Mahayana Sutras. Pennsylvania State University Press, University Park, Pa., and London, 1983.).

²¹ Океаны Совершенств – будды и бодхисаттвы.

²² Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 54, «существует три основы для развития бодхичитты: (1) учение Махаяны, описывающее методы и плоды развития бодхичитты; (2) духовный учитель, дающий подробные наставления, и (3) святые места, где бодхисаттвы взрастили в себе бодхичитту. В Индии существует много мест паломничества, где знаменитые созерцатели обрели плод духовной практики. В частности, Бодхгая, где Будда Шакьямуни достиг полного Пробуждения, считается благоприятным местом для совершения простираний. Паломники также посещают места, где Будда родился (Люмбини), впервые повернул колесо Дхармы (Сарнатх) и оставил этот мир (Кушинагар)».

²³ Тиб.: «... Настоятелей монастырей, учителей и учеников».

²⁴ Подробные наставления об обращении к Прибежищу см.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. с. 223-269, а также Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности. т. 1. с. 104-111.

²⁵ Санскр.: «Все преступления, что я, злодей, совершил или заставил других совершить в этой жизни и предыдущих на протяжении безначальной самсары, и все, в чем я в омрачении находил радость, тем самым принося вред самому себе, – все злодеяния я, терзаемый угрызениями, поверяю [Покровителям]».

²⁶ Шантидева говорит о своих родителях из этой и прошлых жизней.

²⁷ Санскр.: «Смерть не посмотрит, завершил ты дела или нет. Этой предательнице не станет доверять ни большой, ни здоровый, ибо она [приходит] внезапно, как великий удар грома».

²⁸ Тиб.: «Так разве могут подобные мне смерти избегнуть?»

²⁹ Тиб.: «... Ради этой мимолетной жизни».

³⁰ Тиб.: «Что ж говорить о мучениях [человека], схваченного ужасными посланцами Ямы и скованного великим страхом?»

³¹ Санскр.: «омраченность».

³² Тиб.: «И подношу свое тело Манджугхосе».

³³ Согласно Раңјика, с. 6, якши, ракшасы и др.

³⁴ Тиб.: «Я ишу прибежище в Ваджрапани, увидев его, злые посланцы Ямы в ужасе разбегаются во все стороны света».

³⁵ Санскр.: «То уж тем более, если его поразили четыреста четыре болезни».

³⁶ Согласно Раңјика, с. 34, в этом стихе усматривается аллюзия на джатаку о Падмаке, царе Раши. «Так я слышал. Давным-давно, когда Бхагаван был еще бодхисаттвой, в царстве Раши был царь по имени Падма. В то время все люди Джамбудвины страдали страшным недугом, от которого умирали. Тогда они подумали: «Наш владыка, великомилосердный царь, даст нам снадобье. Мы должны поведать ему о своих муках». Так они решили и, встретившись [с царем], рассказали ему о своих страданиях: «О великий царь, вот, что случилось с нами. Помоги, владыка, желающий нам благоденствия». Сердце царя преисполнилось сочувствия, и, не в силах видеть их мук, он приказал лекарям: «Скорее избавьте их от страданий, порождаемых недугом». Пообещав исполнить приказание, лекари заглянули в свои медицинские трактаты, но не нашли никакого лекарства, кроме свежего мяса рыбы Рохита и т. д. Эта джатака является описанием мирской жизни».

³⁷ Согласно Раңјика, под пропастью глубиной в тысячу йоджан следует понимать ад Авичи.

³⁸ Существует два вида пагубных деяний. (1) 10 деяний, пагубных по своей природе (prakṛtyavadya): убийство, присвоение чужого, распутство, ложь, злословие, грубые слова, пустословие, алчность, злонамеренность, ложное воззрение (см.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. т. 1., а также Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч уверенности. С. 93). (2) Пагубные деяния, связанные с нарушением обета или обещания (санскр. prañartavadya). Деяния первой категории являются пагубными для всех существ, деяния второй – лишь для тех, кто связал себя определенным обетом или обещанием.

³⁹ Санскр. bodhicitta-parigraha. Варианты перевода – овладение бодхичиттой, возвращение бодхичитты.

⁴⁰ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 79-80, «совершая эту [молитву]» означает «совершая семичленную молитву». Эта молитва является традиционным методом, позволяющим очиститься от пагубного, накопить заслугу и тем самым подготовить ум к зарождению бодхичитты. Первые три части этой молитвы были описаны в главе II и представляют собой: (1) простираания, (2) подношения и (3) осмысление сотворенного зла. В главе III Шантидева затрагивает четыре оставшиеся части этой молитвы: (4) сорадование добродетелям других, (5) обращение к буддам с просьбой повернуть колесо Дхармы, (6) обращение к буддам с просьбой не уходить в нирвану и (7) посвящение заслуг. Каждая из частей семичастной молитвы направлена против определенной клеши. Практика простирааний уничтожает гордыню, а практика подношений – жадность. Осмысление сотворенного зла уничтожает три основных яда – неведение, привязанность и гнев, однако прежде всего направлено против неведения. Сорадование добродетели устраняет зависть, а обращение к буддам с просьбой повернуть колесо Дхармы помогает избавиться от ложных воззрений. Умоляя будд не уходить в нирвану, мы уничтожаем опасности и преграды, возникающие в нашей жизни, и сеем зерна, которые, созрев, позволят нам обрести нерушимое тело будды. Наконец, посвящение заслуг всем живым существам позволяет нам победить привязанность к своему «я».

⁴¹ Санскр.: antarakaḷpa – период упадка, когда срок человеческой жизни сокращается до 10 лет. Для него характерна крайняя нестабильность и голод.

⁴² Тиб.: «Раз уж я отдал его им, зачем же его лелеять?»

⁴³ Тиб.: «Если в тех, кто посмотрит на меня, возникнет вера или гнев, да станет это вечным источником исполнения всех их желаний».

⁴⁴ Все эти эпитеты часто встречаются в сутрах, где под «защитником и проводником» понимается Будда, а под «мостом, лодкой и плотом» – святая Дхарма.

⁴⁵ Согласно буддийской космологии, к югу от горы Меру находится Восьмигранная Исполняющая Желания драгоценность, яркая, как солнечные лучи, и ее сияние зримо даже на расстоянии нескольких йоджан (см.: Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч Уверенности. С. 139-140).

⁴⁶ К северо-западу от горы Меру находится Прекрасный сосуд с сокровищами, хранящий неисчерпаемое множество драгоценных камней – сапфиры и другие (см.: Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч Уверенности. С. 139-140).

⁴⁷ К западу от горы Меру обитает стадо Коров Изобилия, из каждой поры которых сочится все желанное (см.: Карма Агван Йондан Чжамцо. Светоч Уверенности. С. 139-140).

⁴⁸ Четыре первоэлемента (санскр. mahabhūta) – земля, вода, огонь и ветер. Тиб.: «Подобно всеобъемлющему пространству, земле и другим великим элементам, да стану я основой жизни для всех бесчисленных существ».

⁴⁹ Тиб.: «Это лучший эликсир жизни, побеждающий Владыку Смерти».

⁵⁰ Санскр.: bodhicitta-apramāda. Варианты перевода – отсутствие небрежности, невнимательности.

⁵¹ Саддхармасмритьюпастьхана-сутра, Thog., с. 57. «Если человек побережет для себя пусть даже самую ничтожную вещь, которую [он] прежде намеревался [отдать другому], он может переродиться голодным духом. А если он пообещал что-либо отдать другому и не сдержал своего слова, то он может переродиться в аду».

⁵² Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 109, «иллюстрацией к этому стиху может послужить известная история об ученике Будды Шарипутре, изложенная в Саддхармапундарика-сутре. Шарипутра был последователем Махаяны и на этом пути добился больших успехов. Однажды демон предстал перед Шарипутрой и, желая испытать его и привести к падению, попросил подвижника отдать ему правую руку. В ответ Шарипутра отсек свою правую руку и протянул ее демону. Однако демон рассвирепел и отказался принять подношение. «Как осмеливаешься ты совершать подношение левой рукой! Ведомо ли тебе, что такое почтение!» – закричал он. Шарипутра был глубоко опечален. «Если живые существа столь неразумны, как могу я принести им пользу?» – думал он. С этой мыслью он оставил бодхичитту и вернулся на путь Хиняны. В конце концов он обрел плод своих исканий, достигнув архатства за одну жизнь».

⁵³ Прасантавинишчаяпратихарья-сутра, Thog., с. 59: «Если бы один человек убил всех существ этого мира и похитил все их достояние, а другой помешал бодхисаттве сотворить самое малое из благодеяний, например поделиться с животным кусочком пищи, то злодеяние последнего было бы неизмеримо больше, нежели первого, ибо, совершив его, он бы воспрепятствовал благодеянию, способствующему появлению Будды».

⁵⁴ Yang dag par ldan pa'i lung, Thog., с. 61 и далее: «О монахи, представьте, что вся эта огромная земля обратилась в океан, по просторам коего носится одинокое ярмо, увлекаемое ветром из стороны в сторону. Представьте также, что в глубинах океана живет слепая черепаха, и ответьте мне, легко ли было бы ей, всплывающей на поверхность всего лишь раз в сотню лет, попасть головой в это ярмо?» «О нет. Владыка», – отвечали монахи. И тогда Владыка молвил: «Так же, о монахи, невообразимо сложно обрести рождение в человеческом теле».

⁵⁵ Тиб.: «И если тело мое будет веками пылать в нестерпимом пламени ада, то неизбежно огонь невыносимых угрызений будет терзать мой ум».

⁵⁶ Тиб.: «Даже если бы все боги и асуры...».

⁵⁷ Будду традиционно сравнивали с лекарем, который предлагает лекарство (Пробуждение) для исцеления всех недугов мира. С этой точки зрения интересно рассмотреть Четыре Благородные Истины – основу

буддизма. Истину о страдании можно рассматривать как установление диагноза. Истину о причинах страдания – как выявление причины заболевания. Истину о пресечении страдания – как врачебное заключение о том, что болезнь поддается лечению, а Истину о Пути – описание методов лечения (см.: Birnbaum Raoul. *The Healing Buddha*. Boston, 1989).

⁵⁸ Санскр.: samprajanya-raksana. Вариант перевода – хранение бдительности.

⁵⁹ Уподобление ума бешеному слону является традиционным для индийской литературы. Примером может служить стих 326 Дхаммапады: «Этот ум бродил прежде, блуждая, как ему хочется, как ему нравится, как ему угодно. Теперь я его полностью сдержу, как погонщик – взбесившегося слона» (см.: Дхаммапада. Петербург: Изд-во Чернышева, 1993. с. 97). В период течки или сексуального возбуждения слоны-самцы становятся крайне опасными, они дерутся друг с другом из-за самок, принося значительный урон.

⁶⁰ Тиб.: «Дакини» заменены на «злых духов».

⁶¹ Ратнамегха-сутра, Thog., с. 71.: «Если обретешь власть над одним только умом своим, обретешь власть над всем». А также: «И благие, и пагубные деяния накапливаются в уме».

⁶² «Проповедующий Истину» (санскр. tattvavadin) здесь – эпитет Будды.

⁶³ «Твердь [в восьми жарких адах] – из раскаленного железа, пылающего и искрящегося, а языки пламени распространяются не на одну сотню йоджан» (см.: Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Раздел Третий. Учение о мире. с. 159).

⁶⁴ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 378-379, речь идет о манящих женщинах ада. «Вследствие негативной кармы человек оказывается в лесу, среди деревьев с листьями-мечами. На вершине одного из них он видит свою возлюбленную. Движимый желанием он карабкается вверх по дереву, рассекая о мечи свою плоть. Когда же, наконец, он достигает вершины, возлюбленная превращается в страшное чудовище, которое набрасывается на него и повергает на землю. Это мучительное переживание повторяется снова и снова в течение долгого времени».

⁶⁵ Саддхармасмритьюпаствхана-сутра, Thog., с. 72: «Среди врагов ум – это величайший враг. Нет врага страшнее, чем он».

⁶⁶ Парамита даяния является первой из ряда парамит или совершенств, которые практикуют бодхисаттвы, желая достичь Пробуждения. С этого стиха Шантидева начинает описание парамит.

⁶⁷ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 135, «практика парамиты нравственной дисциплины не означает, что нам следует непрерывно спасать жизнь существам, избавляя рыб, оленей и т. д. от опасности и создавая для них благоприятные условия. Парамита нравственной дисциплины скорее подразумевает отказ от совершения пагубного. Таким образом, эта парамита – также состояние ума».

⁶⁸ В стихах 12-14 обсуждается парамита терпения.

⁶⁹ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 136: «Предположим, что, гуляя по твердой каменной земле, мы хотим защитить свои ноги. Если мы решим покрыть кожей всю землю, это будет неразумно, ибо невыполнимо. Вполне достаточно покрыть кожей ступни своих ног, тогда мы сможем гулять, где угодно».

⁷⁰ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 136, в этом стихе обсуждается парамита усердия: «Невозможно достичь перерождения в мире Брахмы и других богов посредством практик, вовлекающих только тело и речь. Этот результат можно обрести, лишь тренируя ум. Однако для того, чтобы развить ясное сосредоточение достаточной силы, необходимо тренировать свой ум с огромной настойчивостью и усердием».

⁷¹ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 136, в этом стихе обсуждается парамита медитации. Самадхисамграха-сутра, Thog., с. 74.: «О монахи, если исполнять практику с умом, отвлекающимся на объекты желаний, то ни умерщвление плоти, ни чтение мантр не принесут никаких плодов».

⁷² Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 136, в этом стихе обсуждается парамита мудрости. «Мы все желаем избавиться от страданий и обрести счастье, однако достичь этого можно, лишь открыв высшую тайну ума, т. е. постигнув пустоту всех явлений».

⁷³ Речь идет о так называемом давящем аде. «Когда здешние существа собираются в толпу, стражи ада втискивают их в ущелье между двумя горами, похожими на козьи морды. Затем те две горы тотчас же давят их; тогда из всех отверстий [сущест] выливаются реки крови. Так же их раздавливают и [горами], похожими на морды овец, лошадей, слонов, львов и тигров» (см.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. т. 1. С. 199).

⁷⁴ Тиб.: «Пусть я утрачу богатство, почести, тело и средства к существованию, пусть ослабнут все прочие добродетели, чем когда-либо я пренебрегу своим умом».

⁷⁵ Памятование – непрерывное удерживание в памяти [объекта медитации], осознание, внимательность. Один из пяти ментальных факторов, предотвращающих забвение объекта медитации. Духовная бдительность – осознание деятельности ума, тела и речи, сознательное наблюдение за всякой склонностью ума к подавленности, притупленности или возбуждению во время медитации.

⁷⁶ Т. е. ум, лишенный памятования и бдительности. Тиб. «...Подобно этому, ум, пораженный омраченностью».

⁷⁷ Тиб.: «муки ада» заменены на «страдания низших миров».

⁷⁸ Geshe Kelsang Gyatso так комментирует этот стих. «Необходимо следовать наставлениям нашего духовного учителя, который напомнит нам о страданиях низших миров и о необходимости соблюдать

обеты, которые мы приняли перед лицом настоятеля монастыря или учителя» (см.: Geshe Kelsang Gyatso. *Meaningful to Behold*. 1989. с. 141).

⁷⁹ Согласно Prajnakaramati, следует испытывать стыд (санскр. *trapa*) при мысли о любом неблагом деянии; благоговение (санскр. *adara*) по отношению к учению Будды и страх (санскр. *bhaya*) пренебречь учением.

⁸⁰ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 141, в этом стихе приводится основной метод соблюдения нравственной дисциплины. «Начав что-либо обдумывать, говорить или делать, необходимо исследовать свои побуждения, чтобы определить, являются они благими или пагубными. Если выяснится, что нами движут такие омрачения, как зависть, жадность, злонамеренность и т. д., следует вспомнить о пагубности этих омрачений и незамедлительно оставить пагубную мысль и т. д.»

⁸¹ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, в стихах 35-39 Шантидева описывает практики, позволяющие контролировать деятельность тела.

⁸² Согласно Panjika, с. 60, под сосредоточением (санскр. *samadhana*) здесь следует понимать шаматху (*zhi-gnas*). Шаматха – «безмятежное местопребывание». Этот термин означает метод успокоения ума путём глубокого сосредоточения на избранном объекте. Шаматха направлена на преодоление пяти преград, отвлекающих ум, и ведёт к достижению четырёх высших состояний сознания. Согласно учению школы гелугпа, сознательное развитие шаматхи и випашьяны является предшествующей ступенью для достижения самадхи. На начальном этапе практикующий использует шаматху в качестве предварительной практики, подготавливая почву для практики випашьяны. Шаматху сравнивают со спокойной гладью озера, в котором плещется рыба випашьяны.

⁸³ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 144-145, «Бодхисаттва должен соблюдать все заповеди, касающиеся нравственной дисциплины. Однако иногда возникают обстоятельства, при которых лучше совершить неблагое деяние, чем придерживаться нравственных устоев. Конечно, необходимо обладать мудростью для того, чтобы решить, когда следует пренебречь нравственной дисциплиной, а когда ужесточить ее. Если нами движет бодхичитта, сделать такой выбор гораздо легче. Мы должны подумать: «Что принесет наибольшую пользу другим?»... Представьте, что какой-то человек гонится за собакой, намереваясь убить ее. Даже если бодхисаттва знает, где укрылась собака, он может ответить преследователю: «Нет, я не знаю, где она». Первейшая обязанность бодхисаттвы спасти собаку. Если же не станет спасать ее, подумав, что гораздо важнее избежать лжи, тогда он нарушит куда более важный обет трудиться на благо всех живых существ. В этой ситуации бодхисаттва должен понять, что защита живых существ от страха (один из аспектов парамиты даяния) приносит гораздо больше пользы, чем воздержание от лжи». Акшьяматипарипричча-сутра, Thog., с. 81: «Во время даяния можно ослабить [контроль за исполнением] нравственной дисциплины, другими словами, можно оставить ее в нейтральном состоянии».

⁸⁴ В различных источниках приводятся разные описания вторичных клеш (санскр. *upaklesa*). Dharma-samgraha перечисляет 24 вторичные клеши: гнев, враждебность, лицемерие, препирательство, зависть, жадность, ложь, двуличность, гордыня, злость, бесстыдство, беспечность, лень, высокомерие, неверность, праздность, небрежность, забывчивость, невнимательность, несознательность, порочность, тупость, отвлечения и непоследиваемые мысли. Geshe Kelsang Gyatso, с. 146, так комментирует этот стих: «Если мы тщательно проверяем свою мотивацию, принимая решение выполнить то или иное дело или практику, а затем доводим до конца начатое, тогда мы сумеем поддерживать бдительность на высшем уровне. Сохраняя бдительность, мы предотвратим появление вторичных клеш, загрязняющих наш ум. Таким образом, мы превратим наши ежедневные занятия в практику Дхармы».

⁸⁵ Эти три действия упоминаются в индуистских текстах (например, *Visnumrti*, 71. 41) как запрещенные для ортодоксального земледельца. Их разрешалось исполнять только при сельскохозяйственных работах (первые два действия) и при очищении земли перед началом ритуала (третье действие). Считалось, что линия, начертанная на земле, ранит ее и наносит вред живым существам. При исполнении очистительного ритуала рана на теле земли заживлялась с помощью воды. Хотя Шантидева цитирует здесь индуистские тексты, подобные наставления встречались также и в сводах правил для буддийских монахов.

⁸⁶ Тиб.: «Всякий раз, когда ум мой взволнован...».

⁸⁷ Под «героем» следует понимать бодхисаттву.

⁸⁸ Этот стих, а также стих 57, цитируются в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse, с. 127).

⁸⁹ Тиб.: «Тогда почему ты с такой привязанностью по-прежнему его бережешь?»

⁹⁰ Тиб.: «Слугам, непригодным к работе, не дают одежду и прочее».

⁹¹ Тиб.: «Но не стоит отдавать все тому, что не приносит пользы».

⁹² В монашеской общине и за ее пределами считалось, что человек, первым начинающий разговор, проявляет уважение к собеседнику. Тиб.: «Стань искренним другом для всех».

⁹³ Дословно: «с головой». Прикосновение головой к ступням уважаемого человека и прикладывание к голове священных реликвий считалось знаком почтения. Этот стих в несколько измененном виде встречается в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse, с. 319).

⁹⁴ Тиб.: «А если кто-то хвалит их, поддержи его».

⁹⁵ Тиб.: «Всегда говори от чистого сердца и по существу, дабы слово твое было понятно и приятно уху. Избегай страстных и гневных речей, но излагай свои мысли кратко и сдержанно».

⁹⁶ Согласно Prajñakaramati, под полем совершенств следует понимать будд и бодхисаттв, под полем помощи (или полем благодетелей) – родителей, учителей и др., а под полем страдания – страждущих. «Противоядие» (санскр. pratipaksa) означает «созерцание пустоты как средство преодоления клеш». Обращение к образу «поля» является традиционным. Вышеперечисленные существа рассматривались как поля, на которых практикующий засеивает семена своих благих деяний (щедрости и т. д.) и с которых он собирает благодатный урожай заслуг (санскр. puṇya).

⁹⁷ Тиб.: «...Прежде всего, определи, что принесет наибольшую пользу другим».

⁹⁸ Geshe Kelsang Gyatso так комментирует этот стих: «Милосердный Будда, который видит будущее и знает ход любых деяний, запретил существам с невысокими побуждениями, а также существам, привязанным к своему «я», совершать семь неблагих деяний, связанных с телом и речью. Однако в Сутре об искусных средствах (Махагухьяупаякаушалья-сутра) он позволяет бодхисаттве, который приучил себя трудиться на благо других существ, нарушать любой из этих запретов в случае необходимости».

⁹⁹ В соответствии с правилами жизни монашеской общины каждому монаху разрешалось иметь минимальный набор вещей: три одеяния и пояс для нижнего платья, чашу для подаяний, иголку и нитку, бритву, ситечко для воды и лекарства.

¹⁰⁰ Учение Махаяны считается «обширным» из-за обилия практик и искусных средств, а также «глубоким» в силу мудрости, порождаемой созерцанием пустоты.

¹⁰¹ Согласно Rahjika, с. 73, под «людьми низшего кругозора» следует понимать тех, чей ум не готов [к восприятию высших учений], а также тех, кто склонен к изучению Дхармы Малой Колесницы.

¹⁰² Согласно Prajñakaramati, не следует внушать людям, что они могут получить очищение, читая сутры и мантры, вне зависимости от того, является их поведение праведным или нет.

¹⁰³ Это правило в несколько измененном виде встречается в Bodhisattva-pratimoksa, оно также цитируется в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse, с. 125).

¹⁰⁴ Потирание ладоней считалось жестом, означающим одновременно угрозу и вызов. Этот стих также встречается в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse, с.125).

¹⁰⁵ Тиб.: «Оставь всё, что подрывает веру мирских людей».

¹⁰⁶ В Индии и Тибете, в отличие от западных стран, щелчок пальцами считается вежливой формой привлечения внимания. Тиб.: «Не размахивай руками, но привлекай внимание тихими звуками или щелчком пальцами».

¹⁰⁷ Монахам предписывалось занимать позу, в которой Будда ушел в нирвану. Будда лежал головой к северу, на правом боку, голова его покоилась на правой руке, левая рука была вытянута вдоль левого бедра, а одеяния плотно прилегали к телу.

¹⁰⁸ Трискандха-сутра состоит из следующих частей: осмысление сотворенного зла пред тридцатью пятью буддами, хвала добродетели и посвящение заслуги. Шантидева цитирует Трискандха-сутру в своем труде Шикшасамуччая. Согласно Geshe Kelsang Gyatso, если мы нарушаем любой из сорока шести вторичных обетов, мы можем очистить свой ум, читая вслух Трискандха-сутру трижды ночью и трижды днем, предварительно приняв прибежище и зародив бодхичитту (см.: Geshe Kelsang Gyatso. Meaningful to Behold. С. 163, а также: Beresford B. C. (trans. & ed.). Mahayana Purification. Dharamsala LTWA, 1980. e Lati Rinpochoy and J. Hopkins (trans. & ed.). Confession to Thirty Buddhas and Vajrasattva Purification. Rider, 1979).

¹⁰⁹ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, эту строку следует понимать так: «Бодхисаттва должен исполнять любое наставление Будды».

¹¹⁰ Житие Шрисамбхавы (Шрисамбхава-вимокша) включено в Гандавьяха-сутру, Thog., с. 97.: «Надлежит тебе почитать и уважать духовного друга так, чтобы ум твой был подобен земле, несущей самое тяжелое бремя и никогда не впадающей в уныние. Слово алмаз, должен быть ум твой несокрушим в намерении своем. Должен быть он подобен могучей ограде, не уступающей натиску страданий. Должен быть он подобен рабу, исполняющему всякий труд, не сетуя. Должен быть он подобен метельщику, отказавшемуся от гордыни. Должен быть он подобен повозке, перевозящей тяжелые грузы. Должен быть он подобен домашней собаке, не знающей ярости. Должен быть он подобен лодке, беспрекословно отправляющейся в путь и возвращающейся обратно. Должен быть он подобен мудрому сыну, созерцающему лик духовного друга. Благородный Сын, подобает тебе почитать себя больным, а своего духовного друга – лекарем, его наставления – лекарством, а упорную практику – способом избавиться от болезни».

¹¹¹ Тиб.: «Сперва ознакомься с Акашагарбха-сутрой». Акашагарбха-сутра является одной из сутр, включенных в Махасамнипата-сутру. Санскритский оригинал этой сутры не дошел до наших дней за исключением отрывка, который Шантидева цитирует в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse. С. 61-70). В этом отрывке описываются восемь коренных падений бодхисаттвы: (1) преподавать глубокие сутры тем, кому не под силу понять их, и тем самым отвращать их от высшего пути (Махаяны); (2) преподавать низший путь (Хинаяну) тем, кто способен освоить высший; (3) преподавать высший путь и при этом нарушать правила монашеской дисциплины; (4) отговаривать людей от следования низшим путем; (5) принижать других и возносить самого себя, в том числе похваляться обретением сверхъестественных сил; (6) зная учение Махаяны лишь по книгам, утверждать, что оно получено вследствие прозрения; (7) поддерживать связи с влиятельными людьми, которые используют в своих целях имущество монашеской общины и

присваивают его; (8) отказываться от духовного пути под влиянием внешних условий и почитать тех, чье поведение порочно.

¹¹² Этот текст, написанный на основе различных сутр Махаяны, был составлен самим Шантидевой как дополнение к Бодхичарья-аватаре (см.: Bendall C. and Rouse W. H. D., transl. Shiksha Samuccaya. A Compendium of Buddhist Doctrine. Delhi.: Motilal Banarsidas, 1971).

¹¹³ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, эту строку следует понимать так: «...дабы уберечь мирян от потери веры». Тиб.: «Совершай любые деяния, если они не запрещены. И усердно исполняй любые предписания, дабы защитить умы мирян».

¹¹⁴ Санскр. ksanti-paramita.

¹¹⁵ Здесь усматривается аллюзия на Дхаммападу, ст. 184: «...долготерпение – высший аскетизм» (см.: Дхаммапада. С. 97).

¹¹⁶ Этот стих также встречается в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse. с.176).

¹¹⁷ Шантидева упоминает древнеиндийских аскетов из Карната (территория современного индийского штата Карнатака), которые устраивали соревнования по истязанию плоти, а также почитателей Кали, которые претерпевали ужасные муки, дабы ублажить богиню.

¹¹⁸ Первые две строки этого стиха включены в Шикшасамуччаю (см.: Bendall and Rouse. с. 176).

¹¹⁹ Тиб.: «...такие страдания, как укусы змей и насекомых...».

¹²⁰ Две последние строки этого стиха включены в Шикшасамуччаю (см.: Bendall and Rouse. с. 319).

¹²¹ Тиб.: «Он отказывается от порочного и находит радость в добродетельном».

¹²² Тиб.: «Подобно этому, хотя никто не желает клеш, они возникают вопреки нашей воле».

¹²³ Согласно Geshe Kelsang Gyaltso, в стихах 27-28 Шантидева опровергает положения небуддийской философской школы Санкхья. Последователи этой школы утверждают существование праматерии (санскр. prakṛiti), которая является причиной возникновения мира, населяющих его существ и объектов чувственного восприятия. При этом, сама праматерия является беспричинной, независимой и неизменной. Более того, утверждая, что праматерия является первопричиной всех познаваемых явлений, последователи этой школы также говорят о независимо существующем «я». Шантидева указывает на противоречивость этих утверждений. Если бы праматерия была независимой, она бы не могла ничего породить. А если бы «я» было независимым, оно бы не могло воспринять ни одно порожденное явление. Если бы «я» было неизменным, тогда оно вечно воспринимало бы одну и ту же форму или звук. Если же оно воспринимает разные явления, тогда утверждение о его постоянстве совершенно неверно. Опираясь на эти рассуждения, Шантидева отвергает существование неизменной праматерии и независимого «я» (см.: также Главу IX).

¹²⁴ Согласно Geshe Kelsang Gyaltso, в стихах 29-30 Шантидева опровергает концепцию школы Вайшешика о подлинно существующем «я» или атмане. «Если бы «я» было неизменным, как пространство, оно бы не могло совершать никаких деяний. Вайшешика говорит, что хотя «я» неизменно, оно все же способно порождать плоды при определенных условиях. Шантидева же утверждает, что это невозможно. Прежде всего, как может нечто неизменное попасть под влияние условий? И разве может оно измениться под их влиянием? Явление именуется неизменным как раз потому, что оно не претерпевает изменений. Если «я» является неизменным, оно будет оставаться таким же, как прежде, какие бы условия на него ни влияли. Разве может нечто неизменное породить какие-либо плоды? Нет, все эти утверждения беспочвенны и противоречивы». См. также Главу IX.

¹²⁵ Шантидева приводит возможное возражение со стороны небуддийских школ.

¹²⁶ Тиб.: «Нет ничего неразумного в утверждении, что при обуздании гнева страдание отсекается».

¹²⁷ Тиб.: «птицы адских миров» заменены на «стражников адских миров». Лес деревьев с листьями-мечами является одним из адов. «Когда ищущие пристанища входят в него и устраиваются в тени деревьев, с них сыплются мечи и протыкают, отсекают их главные и второстепенные члены». «Когда существа падают, – прибегают темно-красные собаки, хватают их сзади и едят. К тому [лесу] прилегает роща железных деревьев шалмали.... Там обитают так называемые «железноклювые вороны». Они садятся на плечи или голову и выклеивают глаза» (см.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. т. 1. с. 204-205).

¹²⁸ Тиб.: «Из-за желаний».

¹²⁹ «...на проявленном и непроявленном» означает «...в этой и следующих жизнях». Geshe Kelsang Gyaltso, с. 189, так комментирует этот стих: «Если нам не нравится видеть счастье других существ, тогда нам следует прекратить выплачивать жалование людям, которые работают на нас, так как это приносит им счастье. Однако нам хорошо известно, что, если мы не станем выплачивать жалование, у нас возникнут трудности. Работники будут трудиться спустя рукава или вообще перестанут на нас работать, и мы уже не испытаем счастья ни в этой, ни в следующей жизни. Таким образом, способность находить радость в прославлении других подобна выплачиванию жалования нанятым работникам, ибо, с одной стороны, приносит радость им, а с другой – служит нашим интересам».

¹³⁰ Под «тремя мирами» понимаются три плана существования в буддийской космологии: kamaloka – мир чувственного восприятия; guraloka – мир формы и агuraloka – мир не-формы.

¹³¹ Рассуждая о зависти, Шантидева рассматривает этот вопрос в контексте соперничества между монахами за подавляющую мирян.

¹³² Согласно Geshe Kelsang Gyaltso, с. 190, «коренной причиной обретения богатства, имущества и прочего является накопление заслуг, которые можно обрести, практикуя даяние, сорадование, развивая веру в учение и т. д.».

¹³³ Этот стих, а также первые две строки стиха 95 включены в Шикшасамуччаю (см.: Bendall and Rouse. С. 243-244).

¹³⁴ Тиб.: «И все самое лучшее разрушается».

¹³⁵ Geshe Kelsang Gyaltso, с. 193, так комментирует этот стих: «Плод терпения может возникнуть, только если наличествует его причина: [наш] враг. Без причины невозможно появление плода. Поэтому неправильно думать, что враг может помешать нам практиковать Дхарму».

¹³⁶ Дхармасангити-сутра, Thog., с. 126: «Поле живущих – это будда-поле, ибо именно в этом поле достигаются качества будды. И потому в этом поле не подобает практиковать ошибочным образом». Geshe Kelsang Gyaltso, с. 194, так комментирует этот стих: «Будда Шакьямуни сказал, что существует два поля для взращивания заслуг: поле просветленных существ и поле обычных существ. Если у нас есть вера в первых и желание усердствовать во благо вторых, мы принесем пользу и себе, и другим».

¹³⁷ Далай-лама так объясняет этот стих: «Конечно, живые существа и будды не равны по своим качествам. Однако мы можем сказать, что они равны по своей потенциальной возможности содействовать нам в накоплении заслуг и достижении Пробуждения» (Tenzin Gyatso, the Fourteenth Dalai Lama. *A Flash of Lightning in the Dark of Night: A Guide to Bodhisattva's Way of Life*. Boston & London: Shambhala, 1994. С. 72).

¹³⁸ Этот стих также встречается в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse. С. 155).

¹³⁹ Этот стих, а также стихи 120-134 встречаются в Шикшасамуччае (см.: Bendall and Rouse. С. 154-155). Под «истинными друзьями, приносящими неизмеримую пользу», следует понимать будд и бодхисаттв, что становится ясно из последующих стихов.

¹⁴⁰ Образ тела, охваченного пламенем, часто используется для демонстрации относительной природы чувственных наслаждений. Все монахи – современники Шантидевы были знакомы с Огненной Проповедью, которую Будда дал после достижения Пробуждения. В этой, второй по счету, проповеди Будда уподобляет все чувственные переживания огню (см.: Rhys Davids & Oldenberg. *Vinaya Texts. Part 1*. (1885; репр., Vamarsidass, New Delhi, 1982). С. 134-135).

¹⁴¹ В индийской культуре ступни считаются низшей частью тела, поэтому касание ступней чьей-либо головы является знаком крайнего неуважения. Подобным образом, преклонение головы к чьим-либо ступням является признаком покорности и подчинения.

¹⁴² Здесь Шантидева упоминает о практике замены себя другими, описанной в главе VIII.

¹⁴³ Согласно Panjika, «лишь так» означает «служба живым существам».

¹⁴⁴ Санскр. *viṅya-paramita*.

¹⁴⁵ В этом стихе проводится параллель с движением тела. Согласно традиционной индийской физиологии, даже движения тела связаны с действием элемента ветра внутри тела.

¹⁴⁶ Тиб.: «Поскольку смерть наступает мгновенно, собирай накопления [заслуг и знания]».

¹⁴⁷ Эти практики подробно описаны в главе VIII.

¹⁴⁸ Субахупариприча-сутра, Thog., с. 136. «Более того, бодхисаттве надлежит помышлять: «Если те, кто сегодня пребывает в теле львов, тигров, собак, шакалов, грифов, аистов, ворон, сов, пчел и комаров, [в будущем] достигнут Непревзойденного Пробуждения, как же я, человек, могу пасть духом на пути к Пробуждению, даже если [ради достижения этой цели] мне придется пожертвовать жизнью?»

¹⁴⁹ Тиб.: «Неуклонно следуя путем бодхисаттв?»

¹⁵⁰ Тиб.: «Значит, не умея распознать, что есть важное, а что – незначительное, я впадаю в страх из-за омраченности». Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 208; «когда мы слышим истории о том, какие великие жертвы приносили Бодхисаттвы прошлого, шедшие этим путем, мы можем впасть в уныние. Мысль о том, что нам придется пожертвовать собственной плотью, как то делали они, вселяет в нас страх. Этот страх, однако, возникает лишь потому, что мы не можем отличить больших страданий от малых».

¹⁵¹ Тиб.: «... подобно боли при вскрытии нарыва для устранения мучительной болезни».

¹⁵² Тиб.: «Оседлав коня бодхичитты...»

¹⁵³ Согласно Geshe Kelsang Gyatso, с. 210, усердие в Дхарме поддерживается с помощью четырех сил: (1) устремления, (2) стойкости, (3) радости, (4) отдыха. Устремление позволяет нам приступить к исполнению практик, стойкость помогает усердно выполнять их. Прилагая энергичные усилия, мы испытываем радость, однако, если длительные практики утомляют наше тело и ум, следует восстановить силы, прибегнув к отдыху.

¹⁵⁴ Имеются в виду четыре фактора, противоположные усердию, которые Шантидева перечисляет в стихе 2, гл. VII: лень, тяга к предосудительному, уныние и самоуничижение.

¹⁵⁵ Санскр.: *mana*; тиб.: *nga-rgyal*. Здесь данный термин равнозначен стойкости (тиб. *brtan pa*), второй из четырех сил, помогающих развивать усердие. Его не следует путать с «гордыней» (также тиб. *nga-rgyal*). Более подробно различие между этими терминами рассмотрено в Главе VII, 56-59.

¹⁵⁶ Тиб.: «Должен я победить бесчисленные пороки, свои и чужие».

¹⁵⁷ Тиб.: «Должен я взрастить в себе бесчисленные достоинства, свои и чужие».

¹⁵⁸ В этом стихе Шантидева воссоздает описание Сукхавати – чистой страны будды Амитабхи. Будучи бодхисаттвой, он принял сорок восемь обетов, в том числе обет создать чистую страну для всех, кто верит ему. В этой стране нет низших уровней существования, а также женщин, ибо все женщины, которые перерождаются там, превращаются в мужчин в момент смерти. В этой стране существа рождаются в бутоне лотоса, который они сами создают, призывая Амитабху. Все существа здесь обладают золотыми телами, отмеченными тридцатью двумя признаками совершенства. Все, здесь рожденные, обладают знанием своих прошлых жизней, а также «божественным оком» (т. е. знанием цикла перерождений всех существ) и «небесным ухом» (т. е. способностью слышать голоса людей и богов). Все здесь способны передвигаться сверхъестественными способами и читать мысли других существ (см.: *The Shambhala Dictionary of Buddhism and Zen*. Boston, 1991).

¹⁵⁹ Ваджрадхаджа-сутра не сохранилась до наших дней, однако отрывки из нее Шантидева цитирует в своей Шикшасамуччае: «К примеру, Девапутра, когда солнце излучает свой свет, оно освещает всякое доступное место, и не отвращает его такие препятствия, как слепота людская или неровные горные хребты. Так же и бодхисаттва, излучая свой свет ради других существ, приводит к зрелости и освобождению всякого достойного ученика. И не отвращают его всевозможные препятствия, кроющиеся в живых существах».

¹⁶⁰ Тиб.: «Полны клеш существа, сраженные гордыней».

¹⁶¹ Тиб.: «Как лев среди шакалов».

¹⁶² Тиб.: «Даже в час больших потрясений люди защищают свои глаза».

¹⁶³ В тибетском варианте текста между 61 и 62 стихами вставлен следующий стих: «Лучше было бы мне сгореть, головы лишиться, пасть жертвой убийства, чем когда-либо преклонить голову перед этими вездесущими клешами. Подобно этому, в любой ситуации делай лишь то, что подобает».

¹⁶⁴ Тиб.: «Как в битве с опытными противниками, уклоняйся от оружия клеш и умело свяжи этих врагов».

¹⁶⁵ См.: Главу IV «Самоконтроль».

¹⁶⁶ См.: Главу VII «Усердие», ст. 2.

¹⁶⁷ Тиб.: «...и добьешься успеха».

¹⁶⁸ Санскр. – *dhyana-paramita*. Варианты перевода: Концентрация, сосредоточение.

¹⁶⁹ Geshe Kelsang Gyatso, с. 226, так комментирует этот стих: «Почему мы привязаны к мирской жизни? Прежде всего потому, что мы цепляемся за свое «я». Именно отсюда возникают мысли «мой друг», «моя семья», «мое имущество» и т. д. ... Итак, источником любой привязанности является наше невежественное цепляние за свое «я». В этой связи мы можем подумать, что нам необходимо навсегда избавиться от этого цепляния, если мы хотим достичь шаматхи. Но это не так. Размышляя об отрицательных сторонах нашей привязанности к семье, имуществу и т. д., мы можем на какое-то время оставить это цепляние. Этого будет вполне достаточно для того, чтобы развить сосредоточение. Полное же искоренение цепляния за «я» наступает только с развитием мудрости, которая возвращается с помощью шаматхи».

¹⁷⁰ Geshe Kelsang Gyatso, с. 226, так комментирует этот стих: «Итак, высшим средством против привязанности и всех прочих клеш, является мудрость, позволяющая воспринимать пустоту – подлинную природу явления. ... Эта мудрость обретается с помощью шаматхи. Если мы хотим достичь шаматхи, нам необходимо на какое-то время избавиться от грубой привязанности к мирской жизни. Если мы не предпримем этих временных мер, мы никогда не сумеем полностью избавиться от страданий и помогать другим существам».

¹⁷¹ Согласно Panjika, с. 138, под обычными людьми следует понимать тех, кто не является арьями, т. е. тех, кто не достиг непосредственного восприятия пустоты.

¹⁷² Тиб.: «Ибо они не способны принести мне добро, а я не могу принести пользу им».

¹⁷³ mDe.bzhin gshegs.pa thams.cad kyi yul.la 'jug.pa, Thog., с. 157: «Подобно тому, как дикие звери не могут быть счастливы в людской толпе, невозможно найти удовольствие в общении с незрелыми существами».

¹⁷⁴ Этот стих отсутствует в тибетском переводе.

¹⁷⁵ В тибетском варианте текста за ст. 48 следует стих, примерно совпадающий по содержанию, со ст. 51 санскритского оригинала.

¹⁷⁶ В тибетском варианте текста этот стих заменен следующим: «Не в силах утолить своих желаний, глупые, похотливые и порочные люди гневаются на подушку, хотя та нежна на ощупь».

¹⁷⁷ Тиб.: «В тебе самом полно нечистот, и тебе постоянно приходится иметь с ними дело: Но ты, охочий до всякой скверны, жаждешь других мешков с грязью».

¹⁷⁸ Тиб.: «...отчего же ты не желаешь плоти [мертвого тела], которое по природе лишено жизни?»

¹⁷⁹ Тиб.: «Желаемое, без сомнения, исчезнет, а [существа] переродятся в аду и других [низших мирах]. Так, ради ничтожного, мы беспрестанно себя изнуряем».

¹⁸⁰ В стихах 90-98 описывается медитация о равенстве себя и других.

¹⁸¹ Этот стих, а также стихи 97, 98, 100, 101a, 104, 107, 108, 109 также встречаются в Шикшасамуччае (см.: Vendall and Rouse. С. 315-317).

¹⁸² Поток психики (санскр. *santana*) – термин, обозначающий последовательность моментов осознания, которые и составляют сознание индивидуума. Собрание элементов (санскр. *samudaya*, букв. «совозникновение») – термин, обозначающий совокупность отдельных элементов, которые воспринимаются как единое целое. Примером собрания элементов может являться тело. Поток психики в

сочетании с собранием элементов (телом) ошибочно воспринимается как неизменное «я». Ни поток психики, ни собрание элементов не обладают подлинным независимым существованием. Следовательно, не существует и «я» – субъекта страданий.

¹⁸³ Житие Супушпачандры изложено в главе 35 Самадхираджа-сутре. Монах Супушпачандра отправился в страну варваров вопреки предостережениям его друзей-монахов. Он достиг столицы и стал проповедовать учение. Толпы людей собирались вокруг него, в том числе тысячи близких и подданных царя – его дети, жены, министры. Всем им Супушпачандра передал учение. Царь Шурадата стал завидовать красоте монаха. Ревность переполняла его, когда видел он, как его жены внимают словам монаха, а его дети выказывают монаху почтение, пренебрегая богатствами, которыми царь окружил их. Шурадата приказал своим сыновьям убить монаха, но они отказались исполнить его приказ и всячески старались отговорить отца от такого гнусного поступка. Но царю удалось отыскать палача, который охотно разрубил монаха на куски. Царь занялся своими обычными делами, но неделю спустя он случайно увидел расчлененное тело монаха. Останки его тела совершенно не потускнели, словно его только что разрубили. В этот миг царь почувствовал раскаяние, ибо понял, что погубил необыкновенного человека. Он стал громко рыдать, думая о своем страшном преступлении и неминуемом падении в ад и слыша плач богов, собравшихся вокруг тела монаха. Царь раскаялся в своем преступлении перед Сангхой и перед смертью обратился к Будде за прибежищем.

¹⁸⁴ Согласно древнеиндийской физиологии, существо возникает из спермы отца и крови матери.

¹⁸⁵ Гандавьюха-сутра, Thog., с. 180: «Пусть же троекратным припоминанием имени моего будут изгнаны страхи того, кто испытывает смущение в окружении людей».

¹⁸⁶ Geshe Kelsang Gyatso, с. 266, так комментирует этот стих. Хотя поначалу кажется трудным достичь совершенства в практике замены себя другими, все же не следует унывать и отчаиваться. Если постоянно упражняться в этой практике, мы несомненно достигнем успехов. Рассмотрим такой пример. Представим себе человека, которого мы в течение многих лет считали своим врагом. Однако в этом году все изменилось. Мы с ним стали столь близкими друзьями, что расставание с ним приносит нам печаль. Чем же мы обязаны такой поразительной перемене? Всему виной сила привычки. Если со временем мы можем приучить себя любить своего бывшего врага, то уж, конечно, мы можем овладеть практикой замены себя другими.

¹⁸⁷ Практика замены себя другими описана в стихах 141-154.

¹⁸⁸ Тиб.: «Нельзя добиваться собственного благополучия с помощью глаз и прочих органов, отданных на службу другим. И нельзя причинять другим существам ущерб с помощью глаз и прочих органов».

¹⁸⁹ В строфах с 141 по 154 включительно описывается практика замены своего «я» другими. Здесь под «я» нужно понимать всех живых существ, а под «он» – себя самого. В стихах 141-146 приводится медитация о зависти, в стихах 147-150 – медитация о ревности, в стихах 151-154 – медитация о гордыне.

¹⁹⁰ Медитация о зависти. «Поставьте себя, например, на место нищего или бродяги... Теперь возрастите в себе зависть. Посмотрите на себя, на своё эго, как на постороннего, на человека одарённого. Подумайте, как он счастлив... У него есть конь и слуги, которым он доставляет много неприятностей и страданий... Поставьте себя на место его несчастных жертв и постарайтесь почувствовать их мучения... Сострадание наполнит ваше сердце, и впредь вы не станете причинять им вред. Затем представьте себе, что он – человек знатный и одарённый, богатый и окружённый друзьями. Вы же – ничтожный человек, не прославивший себя никакими дарованиями. Но хотя вам и нечем похвастаться, вы всё же можете спросить его, почему он так высокомерен. Ведь... эти понятия о высоком и низком положении весьма относительны...» (Из комментария Кузанг Палдена).

¹⁹¹ Тиб.: «...признайся в этом пред множеством людей».

¹⁹² Тех, кто любит это тело, мы считаем своими друзьями. Именно этих людей мы окружаем заботой и вниманием. Однако это тело нам не принадлежит, оно – всего лишь сочетание клеток крови и спермы других существ, наших родителей (см. ст. 111, гл. VIII). Таким образом, наше тело, лишённое подлинного существования, ничем не отличается от тел других существ. А все существа любят свои тела, так почему же мы не окружаем заботой и вниманием всех?

¹⁹³ В тибетском переводе за стихом следует еще один, отсутствующий в санскритском оригинале: «Подобно великомилосердным Сыновьям Победителей, буду я терпеливо выполнять надлежащее. Ибо, если не прилагать усилия, денно и ночью, разве наступит конец моим мучениям?»

¹⁹⁴ Санскр. praṇa.

¹⁹⁵ Panjika, с. 179: «И [созерцатели, и обычные люди] считают, что иллюзия, мираж, отражение города гандхарв и другие примеры (drstana), которые упоминаются Благословенным в сутрах, лишены подлинной природы».

¹⁹⁶ Panjika, с. 181: «совокупности (skandha) и др.»

¹⁹⁷ Panjika, с. 187: «В действительности, она имеет иную форму бытия, нежели внутренний (anataṛa) аспект ума, который является познающим (grahaṇa)».

¹⁹⁸ Эта последняя строка отсутствует в тибетском переводе.

¹⁹⁹ Geshe Kelsang Gyatso, Meaningful to Behold, с. 301: «Предположим, что существует особый вид грызунов, которые кусают людей и животных в зимнее время. Однако яд, выпущенный ими, не обладает немедленным действием, он начинает ощущаться только весной. Таким образом, человек может почувствовать укусы».

грызуна, но при этом не осознавать, что яд вошел в его тело. Позже, в начале весны, он начинает ощущать боль. В этот момент он осознает, что наступила весна, и вспомнит, что зимой его укусил грызун. Опираясь на эти размышления, он сделает правильный вывод, что яд попал в его тело вместе с укусом грызуна».

²⁰⁰ Согласно Panjika, с. 192, под «другими условиями» понимается способность предвидеть будущее, а также экстрасенсорные способности, например чтение мыслей других людей. Суть этого спора состоит в том, что, если при наличии определенных условий ум способен видеть умы других людей, значит, он должен видеть и себя самого.

²⁰¹ Согласно Panjika, с. 200, этот столб сделан из дерева и освящен мантрами.

²⁰² Согласно Panjika, с. 205, под «подобными [учениями]» подразумеваются учения Канады, который также известен под именем Кашьяпа. Он являлся основателем школы Вайшешика, разделяющей философию Ньяя. Он учил, что мир состоит из совокупностей атомов и т. д.

²⁰³ В некоторых изданиях Бодхичарья-аватары порядок расположения стихов нарушен, и стихи 44-46 вставлены между 48 и 52, что нарушает смысл повествования.

²⁰⁴ Panjika, с. 208: «Арья Маудгальяяна, Арья Ангулимала и др.»

²⁰⁵ Согласно Абхидхармакоше, существуют два вида неведения: связанное с клешами и не связанное с клешами. Шантидева утверждает, что подобным образом могут существовать и два вида жажды и что архаты могут быть подвержены жажде, не связанной с клешами.

²⁰⁶ Согласно Panjika, с. 209, под «тем или другим» подразумеваются либо Четыре Благородные Истины и т. п., которые могут являться объектом привязанности, либо плоды медитации о Четырех Благородных Истинах.

²⁰⁷ Тиб.: «... как в горшке и тому подобном».

²⁰⁸ В тибетском переводе вместо «ступни» используется слово «рука».

²⁰⁹ Тиб.: «...поскольку у направлений нет частей, они подобны пространству. Следовательно, атомов не существует».

²¹⁰ Panjika, с. 250: «т. е. анализ и объект анализа».

²¹¹ Panjika, с. 251: «т. е. познание и объект познания».

²¹² Санскр.: raṅgamāna. Вариант перевода – передача [заслуг].

²¹³ Роща железных деревьев «шалмали» является одним из адов. «Ищущие жилища существа приходят туда, и их заставляют лезть на эти [деревья]. Когда они лезут, острия шипов направляются вниз, а когда слезают, поднимаются вверх. Эти [шипы] протыкают, рассекают их главные и второстепенные члены» (см.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. Т. 1. С. 204-205).

²¹⁴ Чакравака – птица, символизирующая преданную любовь.

²¹⁵ Вайтарани – один из адов, «так называемая Река без брода, наполненная кипящей едкой жидкостью. Существа, ищущие жилища, падают в нее, варятся, перемещаясь то вверх, то вниз, подобно горошинам и т. п., брошенным в наполненный водой котел, подогреваемый сильным огнем. На обоих берегах реки сидят существа с палками, крючками и сетями в руках. Они не дают вылезти из [реки], а когда, [наконец], вытаскивают несчастных крючками или сетями, то кладут их на спину на большой раскаленной площадке и спрашивают: «Чего хотите?» Те отвечают: «Мы ничего не знаем и не видим, но мы голодны и испытываем жажду». Тогда им в рот кладут раскаленный, пылающий кусок железа и вливают кипящей меди» (см.: Чже Цонкапа. Большое руководство к этапам пути Пробуждения. Т. 1. С. 205). Мандакини – река, протекающая в мире богов.

²¹⁶ Царевич в монашеских одеяниях (санскр. Cīrikumara) – одно из имен Манджугхоши, или Манджушри.

²¹⁷ Этот стих отсутствует в тибетском переводе.

²¹⁸ Тиб.: «Пусть нагой получит одежду, голодный – пищу, мучимый жаждой – воду и вкусные напитки».

²¹⁹ Тиб.: «Пусть бедные обретут богатство, скорбящие – радость. Пусть отчаявшиеся обретут вдохновение и стойкость».

²²⁰ Тиб.: «Пусть все больные существа быстро избавятся от болезней, и пусть ни одна из болезней мира никогда не повторится». В тибетском переводе за этим стихом идет следующий: «Пусть боящиеся обретут бесстрашие, пусть скованные освободятся. Пусть немощные обретут силу, и пусть люди думают о взаимной пользе».

²²¹ Тиб.: «Куда бы ни отправились путники, пусть найдут они счастье во всех сторонах света. Пусть достигнут они своих целей безо всяких усилий».

²²² Тиб.: «...обладая едой и безупречным поведением, пусть сохраняют они памятование на протяжении перерождений».

²²³ Гаганаганджа («Сокровищница Небес») – имя одного из бодхисаттв, названного так потому, что его щедрость была бесконечной и чистой, как небо (см.: цитату из Гаганаганджа-сутры в Шикшасамуччае (Bendall and Rouse. С. 19). Тиб.: «Пусть богатство существ будет неистощимым, как сокровищница небес. Не зная раздоров и зла, пусть будут они всегда свободны».

²²⁴ Тиб.: «...наполненные чарующими звуками Дхармы, провозглашаемой буддами и их сыновьями».

²²⁵ В тибетском тексте «презрение» заменено на «страх».

²²⁶ Тиб.: «Пусть мудрые будут окружены почитанием и получают подаяния».

²²⁷ Шантидева желает здесь, чтобы все существа достигли Пробуждения в «едином небесном воплощении», например переродившись одновременно в чистой стране Сукхавати. Тогда им не потребовалось бы в течение многих кальп следовать по пути бодхисаттв, претерпевая великие страдания и совершая огромные усилия, чтобы достичь совершенства будд. Тиб.: «Пусть все существа достигнут состояния будды в телах, превосходящих тела богов».

²²⁸ Две последние строки отсутствуют в тибетском переводе.

²²⁹ Тиб.: «Да буду я поддерживать жизнь простой едой».

²³⁰ Манджунантха – один из аспектов Манджушри, или Манджугхоши. Манджушри являлся йидамом Шантидевы. Именно поэтому он уделяет особое внимание этому Бодхисаттве в своем Посвящении (см.: жизнеописание Шантидевы).

²³¹ Тиб.: «Пусть собрание бодхисаттв принесет благо в миру».